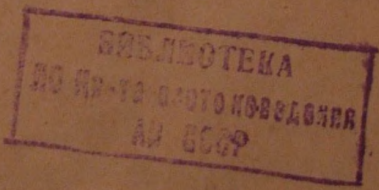
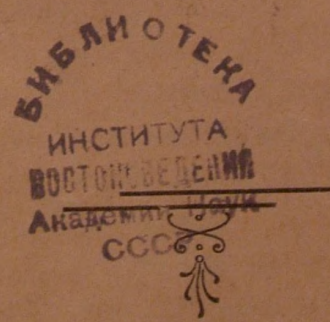

208

Н. С. ЛЫКОШИНЪ.
.....

Поль жизни въ Туркестанѣ.

ОЧЕРКИ БЫТА ТУЗЕМНАГО
.....
НАСЕЛЕНІЯ.
.....

Складъ М-ва „В. А. Березовскій“.
КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
ПЕТРОГРАДЪ, КОЛОКОЛЬНАЯ, 14.
1916.

Академия наук
СССР

Отъ автора.

Когда жизнь подходит къ концу, естественно желаніе обернуться назадъ, вспомнить все видѣнное и слышанное, а затѣмъ и подѣлиться съ окружающими тѣмъ, что мы называемъ опытомъ, знаніемъ жизни.

Этимъ желаніемъ объясняется свойственная всѣмъ старикамъ страсть наклонѣ лѣтъ писать свои воспоминанія, въ которыхъ они нерѣдко въ значительной мѣрѣ искажаютъ пережитыя ими событія и себя самихъ выставляютъ центромъ, около котораго группировались дѣла и люди.

Конечно, это происходитъ главнымъ образомъ отъ преломленія дѣйствительныхъ фактовъ въ призмѣ времени и несправедливо было-бы винить за эти неточности авторовъ несмѣтныхъ мемуаровъ, наполняющихъ томы нашихъ историческихъ журналовъ.

Я много читалъ разныхъ хроникъ и мемуаровъ русскихъ дѣятелей въ «Русской Старинѣ», которую основалъ и долго издавалъ покойный дядя мой и воспитатель М. И. Семевскій, и всегда весь этотъ матеріалъ поражалъ меня своей субъективностью.

Помышляя о предстоящей и мнѣ старости, я еще очень давно рѣшилъ воздержаться отъ передачи потомству моихъ личныхъ воспоминаній, но, проходя жизнь, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи наблюдать жизненные явленія, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть, и наблюденія эти всегда старался отмѣтить въ повременной печати, рассчитывая впослѣдствіи воспользоваться этими замѣтками, какъ своевременно записаннымъ матеріаломъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Вся жизнь моя прошла на службѣ въ Туркестанѣ и потому мои работы были посвящены исключительно изу-

ченію этнографическихъ условій жизни туземнаго населенія этой отдаленной окраины.

Мнѣ всегда казалось, что, не будучи въ состояніи заняться какимъ-либо научнымъ трудомъ въ этой области знанія, я все-же могу принести посильную пользу наукѣ записывая всѣ тѣ жизненные явленія, которыя проходили передъ моими глазами въ мало знакомой обстановкѣ жизни русскихъ людей среди мѣстнаго туземнаго населенія Туркестана.

Теперь я рѣшаюсь предложить вниманію читателей весь матеріалъ, какой мнѣ удалось добыть за 35 лѣтъ моей службы въ Туркестанѣ, въ надеждѣ, что наблюденія мои прольютъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ стороны жизни туркестанскихъ туземцевъ, которыя почему-либо остались мало изслѣдованными и не описанными серьезными изслѣдователями этнографіи мѣстнаго населенія.

Ж. С. Лыкошинъ.

20 Декабря 1914 года.
Гор. Самаркандъ.

Результаты сближенія русскихъ съ туземцами.

Полвѣка тому назадъ волею историческихъ судебъ русскіе вошли въ Туркестанъ съ оружіемъ въ рукахъ для того, чтобы продолжать мирное затѣмъ завоеваніе края съ цѣлью объединенія этой окраины съ центромъ. Полъ столѣтія два народа прожили уже бокъ о-бокъ и потому, не смотря на рѣзкую разницу въ вѣрѣ и языкѣ, неминусо должны были оказать другъ на друга извѣстное вліяніе, не преднамѣренное, а естественно вытекающее изъ общенія.

Попытаемся отмѣтить наиболѣе замѣтныя черты взаимнаго воздѣйствія русскихъ на туземцевъ и наоборотъ, ни чуть не претендуя ни на точность, ни на безусловную полноту нашего очерка.

Когда подумаешь о первыхъ шагахъ на пути сближенія русскихъ съ туземцами, невольно встаетъ въ воображеніи картина взятія какого-нибудь среднеазіатскаго большого города русскими войсками. Канунъ дня штурма всѣ провели въ напряженномъ ожиданіи неминусо предстоящаго событія— „на щитѣ, или со щитомъ“. Ночью нервное возбужденіе не даетъ спать; на разсвѣтѣ дѣло сдѣлано, и вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рѣшенъ безповоротно.

Русскій солдатъ, выносливый и храбрый въ бою, какъ только дѣло кончено, моментально становится добродушнымъ, любознательнымъ, не лишеннымъ наблюдательности и юмора деревенскимъ парнемъ.

„Орду замирили, теперь бунтовать не смѣть“, говоритъ исполнившій свой долгъ воинъ и безъ приказа, какъ-то инстинктивно, вступаетъ на путь дальнѣйшей мирной культурной миссіи своего народа.

И теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ прихода русскихъ войскъ въ Туркестанъ, поучительно взглянуть на солдатъ какой-нибудь проходящей команды, прибывшей на „дневку“ въ небольшой попутный городъ, послѣ того какъ солдатики получаютъ разрѣшеніе сходить въ городъ. Вся команда одновременно

разсыпается по базару, всѣ наперерывъ спѣшаютъ ознакомиться съ обстановкой того мѣстечка, гдѣ солдату суждено провести только однѣ сутки, а затѣмъ идти дальше, чтобы, можетъ быть, никогда больше не увидать такъ случайно попавшаго на глаза населеннаго пункта.

То же самое, безъ всякаго сомнѣнія, происходило и въ каждомъ вновь завоеванномъ азіатскомъ городѣ при первомъ появленіи тамъ русскихъ людей. Знакомьсь съ новой для себя обстановкой, солдатики наши и сами становились предметомъ наблюденія для туземцевъ, тѣмъ болѣе, что, по единогласному отзыву сартовъ, пережившихъ завоеваніе страны, жизнь очень скоро вступала въ свои права, послѣ окончанія штурма, какъ заключительнаго акта войны.

Иначе и не могло впрочемъ быть, потому что разграбленіе и сравненіе съ землею вновь присоединенныхъ городовъ не входило въ программу военныхъ піонеровъ русскаго дѣла въ краѣ; необходимо было лишь закрѣпить пріобрѣтеніе и открыть путь для дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ глубь страны.

Здравствующіе и понынѣ сподвижники М. Г. Черняева хорошо помнятъ все побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ по Туркестану и, по ихъ общему отзыву, на другой же день послѣ взятія туземнаго города, можно было уже наблюдать сцены, несомнѣнно убѣждавшія въ окончательномъ умиротвореніи только-что перешедшаго въ наши руки города. Религіозная рознь не позволяла, конечно, нашимъ новымъ знакомымъ примириться съ приходомъ сюда иновѣрнаго народа, да еще въ качествѣ побѣдителей. Такой случай не предусмотрѣнъ и мусульманскимъ законодательствомъ, нормирующимъ лишь отношенія мусульманъ—побѣдителей къ „зимміямъ“—побѣжденнымъ иновѣрцамъ, но ни словомъ не упоминающимъ о томъ, какъ должны себя вести побѣжденные мусульмане, сами очутившіеся въ положеніи „зимміевъ“ и вынужденные рассчитывать только на милость побѣдителей.

Отсутствіе національнаго патріотизма у народа, вѣка прожившаго подъ деспотическимъ правленіемъ, сознаніе собственныхъ выгодъ отъ сближенія съ русскими въ той группѣ лицъ, которымъ суждено было явиться представителями туземнаго населенія при сдачѣ города, наконецъ органическое влеченіе сартовъ къ занятію торговлей и промышленностью, все это вмѣстѣ взятое, заставляло народъ торопиться возстановить на-

рушенный на время порядокъ и перейти къ своимъ мирнымъ занятіямъ.

Русскіе начальники, послѣ окончанія штурма, никогда не забывали пригласить новыхъ подданныхъ Бѣлаго Царя какъ можно скорѣе заняться своими дѣлами; оставалось лишь послѣдовать этому приглашенію, столь своевременному и такъ подходившему къ общимъ желаніямъ.

До прихода русскихъ въ край, о нихъ въ средѣ туземнаго населенія имѣлись самыя скудныя свѣдѣнія, а потому составлялись и самыя превратныя понятія. Та часть общества, которую канунъ русскаго завоеванія засталъ у престола мусульманскихъ владыкъ, или во главѣ религиозной общины, инстинктивно сознавала, что съ приходомъ въ край русскихъ, главенство этихъ деспотически правившихъ народомъ людей должно неминуемо поколебаться, а можетъ быть и пасть, чтобы уступить мѣсто власти завоевателей и „новыхъ людей“.

Само собою разумѣется, что эти лица, за себя, а не за народъ, опасавшіяся предстоящихъ перемѣнъ, собрали довольно точныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутъ себя русскіе, вступая въ азіатскія страны, и что за люди эти новые пришельцы, но вѣрныя свѣдѣнія о завоевателяхъ высокопоставленные сарты оставляли про себя, а въ народъ выпускали черезъ своихъ приближенныхъ завѣдомо ложныя расказы объ „урусѣ“.

Необходимо было, съ одной стороны, напугать народъ, увѣривъ, что нечего ждать пощады отъ дикихъ людей, идущихъ въ край, и вотъ темному народу внушалось, что русскіе—это даже не люди, а какіе-то одноглазые или двухголовые чудовища, чуть не людодѣды. Съ другой стороны, надо было поддержать мужество мусульманскихъ сарбазовъ, которымъ предстояло первымъ и грудь съ грудью встрѣтить нежеланныхъ гостей. Этимъ послѣднимъ внушалось, что русскіе—удивительные трусы, и что стоитъ только мусульманскому воинству встрѣтиться съ русскими въ открытомъ полѣ, и русскіе, „какъ испуганные зайцы, бросятся бѣжать въ разныя стороны“.

Такъ характеризовали, въ своихъ видахъ, русскихъ тѣ, кому больше всѣхъ угрожала перемѣна правительства, и, понятно, настроенные такими баснями туземцы ожидали ужасовъ. Однако ложь азіатскихъ хитрецовъ быстро обнаружилась: жестокія чудовища оказались добродушными людьми самаго обыкновеннаго вида, только въ большинствѣ русые и сѣроглазые. Тѣ-же люди въ бою оказались львами, а не трусливыми зай-

цами, какъ ихъ рекомендовали пристрастные цѣнители русскаго мужества.

Возвратимся, однако, къ первому обоюдному знакомству русскихъ и туземцевъ.—Солдаты, или „бѣлыя рубахи“, какъ прозвали ихъ на первыхъ порахъ сарты, разсыпались по городу, небольшими группами обходя узкіе извилистые переулки новаго мѣста, въ оба разглядывая все, что попадалось на пути. Закрытыя, безъ оконъ на улицу, помѣщенія сартовскихъ семей оставались, какъ и теперь, недоступными для наблюденія проходившихъ; зато сами они, эти новые люди, сразу дѣлались предметомъ самаго подробнаго осмотра со стороны невидимыхъ наблюдателей и наблюдательницъ.

Сарты очень любопытны, а туземная женщина въ этомъ отношеніи во много разъ превосходитъ женщину европейскую. Въ закрытыхъ съ перваго взгляда сартовскихъ домахъ всегда есть мѣста, откуда очень хорошо и незамѣтно можно разсмотрѣть все, происходящее на улицѣ, и мусульманскія затворницы не пропускаютъ случая чѣмъ-нибудь нарушить однообразіе своей гаремной тьмы.

А на новыхъ гостей стоило посмотрѣть—всѣ на подборъ молодя загорѣлыя лица пришельцевъ, если и не походили по типу на мѣстныхъ жителей, то не могли не привлечь вниманія своимъ особеннымъ выраженіемъ отваги, добродушія и искренности, тѣмъ выраженіемъ, котораго какъ разъ не встрѣтишь на лицѣ азіата.

„Мигъ одинъ, и нѣтъ волшебной сказки“, мимолетный взглядъ туземной женщины сразу обнаружилъ обманъ мулль относительно наружности русскихъ, а если и не всѣ туземныя женщины увидѣли „урусовъ“ на первыхъ-же порахъ, то навѣрно всѣ услышали отъ своихъ подругъ правдивую оцѣнку русскаго лица.

Узкая извилистая улица, если не оканчивается тупикомъ, то ужъ навѣрно выведетъ на базаръ, а туда-то какъ разъ и стремился каждый изъ обозрѣвателей новаго города. На базарѣ—тысяча новыхъ сценъ, тысяча новыхъ встрѣчъ и наблюденій. Здѣсь вѣчная ярмарка, вѣчное оживленіе, такъ располагающее къ осмотру оригинальныхъ азіатскихъ товаровъ, къ покупкѣ нужныхъ въ обиходѣ солдата вещей, къ приобрѣтенію невиданныхъ за походъ лакомствъ.

Здѣсь уже нельзя только безмолвно наблюдать новыя явленія, а приходится вступать въ бесѣду съ людьми, ни слова не

понимающими по русски, договориться о цѣнѣ выбраннаго товара, размѣнять русскія деньги на азіатскія и сразу опредѣлить счетъ монетныхъ единицъ. На почвѣ торговли зашелъ тогда между новыми соотечественниками разговоръ, или, лучше сказать, больше мимической обмѣнъ мыслей, который ведется и теперь, полвѣка спустя.

Выразительные жесты, отсчитываніе по пальцамъ и частое повтореніе словъ: „яхши, сату, екъ“,—вотъ пока всѣ средства общенія покупателя съ продавцемъ, но на помощь впервые столкнувшимся людямъ приходитъ выгода, и торгъ заключенъ ко взаимному удовольствію.

Первыя покупки даютъ понятіе о характерѣ производительности страны, продавецъ-же мотаетъ на усъ новыя для него подробности спроса и вкуса новыхъ потребителей мѣстныхъ издѣлій.

Къ этимъ первымъ днямъ знакомства съ туземцами слѣдуетъ отнести появленіе въ солдатскомъ жаргонѣ новыхъ словъ, удерживающихся доселѣ и составляющихъ собственное изобрѣтеніе солдата, проникнутаго желаніемъ слѣлать свой языкъ понятнымъ туземцу.

Сарты зовуть „максумъ“ сына ученаго муллы, и, вѣроятно, это прозвище, или титулъ, будучи понято какъ имя, больше другихъ утвердилось въ памяти по сходству съ Максимомъ, а вскорѣ превратилось и въ названіе собирательное для всѣхъ вообще сартовъ, а въ особенности лавочниковъ. Такъ „максимками“ и величаютъ до сихъ поръ солдаты торговцевъ на базарахъ.

Слова „марзя“, „алаша“, „никерекъ“ въ значеніи „не надо“ и классическое „шалтай болтай“,—все это памяткіи первыхъ шаговъ на пути сближенія съ инородцами русскихъ людей.

Сарты, незамѣтно для себя, на первыхъ-же порахъ быстро усвоили много русскихъ выраженій, нужныхъ въ торговлѣ, и базарные торговцы въ наше время представляютъ многочисленную группу лицъ, обучившихся русской рѣчи безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, вслѣдствіе ясно сознанной выгоды и удобства объясненій съ покупателями на русскомъ языкѣ.

Мимикой, однако, многого не скажешь, а поговорить хочется. Обѣ стороны вынуждены обратиться за помощью къ лицу, знакомому хотя немного съ обоими языками, и на сцену выступаетъ въ качествѣ переводчика татаринъ, башкирь, вообще инородецъ, уже пожившій среди русскихъ.

Этимъ посредникамъ между русскими и туземцами, вставшимъ между ними съ самыхъ первыхъ шаговъ, суждено было сыграть въ дѣлѣ нашего сближенія съ туземцами видную роль, но мы не будемъ здѣсь входить въ оцѣнку ихъ заслугъ въ этомъ отношеніи; объ этомъ и такъ много написано изслѣдователями туркестанской жизни. Упомянемъ только, что между русскими офицерами нашлась семья Еникѣевыхъ, положившая начало обученія туземцевъ русской грамотѣ.

Послѣ взятія гор. Чимкента въ 1864 году, офицеръ мѣстной артиллеріи Еникѣевъ по службѣ долженъ былъ прожить довольно долго во вновь присоединенномъ городѣ и помѣстился на квартирѣ у одного ученаго туземца Абдуль-Гафара-Ходжи и, будучи самъ мусульманиномъ даже, не безъ труда сошелся съ сыномъ своего хозяина Саттарханомъ, котораго и обучилъ русскому языку. Саттарханъ былъ первымъ туземцемъ изъ среды ученыхъ сартовъ, рѣшившимся познакомиться со словъ татарины съ русскимъ языкомъ и обычаями; онъ пошелъ дальше, много читалъ и не чуждался знакомства съ образованными русскими людьми. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ переводчикомъ въ поземельно-податномъ отдѣленіи Сыръ-Дарьинскаго областного правленія, Саттарханъ былъ затѣмъ преподавателемъ учительской семинаріи, помощникомъ редактора туземной газеты и умеръ въ Чимкентѣ въ чинѣ губернскаго секретаря.

Такъ было положено основаніе обученію туземцевъ русскому языку, а, перейдя въ руки администраціи, дѣло это быстро выросло, и Туркестанскій край теперь покрытъ сѣтью русско-туземныхъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и ежегодно выпускающихъ сотни грамотныхъ по русски молодыхъ людей.

Такимъ образомъ, знаніе русскаго языка стало достояніемъ многихъ наинѣе консервативныхъ туземцевъ, а это дало возможность обоимъ народамъ взаимно знакомиться другъ съ другомъ и заимствовать другъ у друга то, что казалось практичнымъ и примѣнимымъ.

Этотъ незамѣтный для глаза, но непрерывный обмѣнъ длится уже полвѣка, и результаты этой безсознательной работы мысли и подражанія не поддаются описанію. Это взаимное воздѣйствіе другъ на друга двухъ націй можно уподобить лишь физическому процессу эндосмоса и экзосмоса, гдѣ, какъ результатъ обмѣна на пути къ отождествленію, приходится раз-

сматривать мелкія черты характерныхъ измѣненій, все болѣе и болѣе вырастающія въ поддающіеся наблюденію признаки.

Религіозная сторона туземнаго быта, разумѣется, меньше всѣхъ другихъ сторонъ подверглась русскому вліянію. Полная вѣротерпимость, полное уваженіе къ чужой вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ всегда были руководящими принципами русской политики среди инородцевъ, тѣмъ не менѣе и въ этой области произошли нѣкоторыя измѣненія независимо отъ русскаго воздѣйствія, а вслѣдствіе перемѣнъ въ самой житейской обстановкѣ сартовъ.

До прихода въ край русскихъ, исламъ былъ здѣсь господствующей религіей и вѣрой правителей страны. Кромѣ того, при мусульманскомъ владычествѣ существовала должность „раиса“—блюстителя общественной нравственности и строгаго исполненія религіозныхъ обрядовъ. Само собою понятно, что, при такихъ условіяхъ, въ старое время всѣ мусульманскіе обряды исполнялись еще пунктуальнѣе и строже, чѣмъ теперь. Да оно иначе и не могло быть, когда, напр., не аккуратно посѣщавшему мечеть или нарушавшему постъ „руза“ *) приходилось на собственной спинѣ испытывать твердость „дарра“,—плетей изъ буйволовоу кожи, которыми, по приказу раиса, его приспѣшники „мухтасибы“ награждали малобогомольнаго человѣка, или испытывать конфузъ передъ всѣмъ народомъ, когда, вымазавъ лицо сажей и посадивъ на ишака лицомъ къ хвосту, возили такого грѣшника по всему городу на обшую потѣху и осмѣяніе.

Съ приходомъ русскихъ должности „раисовъ“ не были упразднены тотчасъ-же, но, силою вещей, имъ пришлось обратить все свое вниманіе на поддержаніе нравственности и благопристойности. Ревнителю исполненія ритуала быстро обратились въ полицейскихъ, и наказанія за неисполненіе религіозныхъ обрядовъ вывелись изъ употребленія. Вскорѣ за тѣмъ и раисы, въ послѣднее время своей службы слѣдившіе за вѣрностью мѣрѣ и вѣсовъ на базарахъ, а также за доброкачествомъ пищевыхъ продуктовъ, уступили мѣсто чинамъ полиціи и представителямъ торговаго надзора. Благочестіе мусульманъ сразу нѣсколько ослабло: всякій, кого гналъ въ мечеть страхъ передъ раисомъ,—безнаказанно оставался дома, а любитель покушать сталъ и въ дни поста какъ-бы забывать постановленія шаріата о „рузѣ“.

*) Сорокадневный постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ.

Жизнь туземцевъ, послѣ присоединенія края въ Россіи рѣзко перемѣнилась во многихъ отношеніяхъ, а главное—утратила сложившійся вѣками степенно-спокойный распорядокъ каждаго дня, въ зависимости отъ пяти ежедневныхъ молитвъ. При новыхъ порядкахъ въ жизнь мусульманъ ворвался новый для нихъ потокъ оживленія и сравнительной поспѣшности. „Торопливость—есть свойство діавола“—затвердилъ съ дѣтства прописную мораль каждый мусульманинъ, а тутъ приходилось забыть это ветхозавѣтное правило соннаго востока и спѣшить, чтобы умѣть заработать какъ можно больше денегъ. Туземцы быстро сообразили, что новая жизнь требуетъ большаго, чѣмъ прежде, напряженія энергіи, стали хлопотать о томъ, чтобы не пропадало даромъ время, но зато подчасъ приходилось поневолѣ пропускать за неотложнымъ дѣломъ время молитвы или совсѣмъ про нее забывать. Правда, для забытыхъ или пропущенныхъ молитвъ существуетъ „каза“—замѣна ихъ дѣлами благотворенія, и потому всякій легко могъ пополнить недочеты.

Современные намъ мусульмане-старики, можетъ быть, склонны винить русскихъ въ томъ, что, придя въ край, они какъ бы ослабили здѣсь благочестіе туземцевъ; но съ этимъ нельзя согласиться уже потому, что русскіе вовсе не вмѣшивались въ дѣла вѣры, и если благочестіе туземцевъ нѣсколько ослабло, то не по винѣ русскихъ, а скорѣе отъ причинъ, указанныхъ выше въ связи со стремленіемъ къ наживѣ.

Можно съ увѣренностью сказать, что за истекшее полу столѣтіе въ значительной мѣрѣ ослабѣлъ среди туземцевъ ихъ религиозный фанатизмъ въ смыслѣ нетерпимости къ представителямъ чужой народности, къ иновѣрцамъ. Однако, и это вѣрно только по отношенію къ наиболѣе просвѣщенной, болѣе соприкасавшейся съ русскими части мусульманскаго общества. Эти близко познакомившіеся съ нами люди, по опыту убѣдившіеся въ совершенно искренней вѣротерпимости нашей, повтѣряютъ арабскую поговорку: „всѣ люди—люди“ и сообразно съ этимъ, безбоязненно вступаютъ съ русскими въ дружественныя отношенія хорошихъ знакомыхъ, даже дружатся, насколько могутъ; но за этими передовыми людьми стоитъ еще нетронутая стѣна людей стараго мусульманскаго закала, до сихъ поръ мысленно раздѣляющихъ весь міръ на двѣ неравныя части, не имѣющія между собой ничего общаго: міръ ислама—это ихъ сфера, а за границей ихъ общины предполагается невѣріе, „кюфрѣ“, съ представителями котораго надо остерегаться не только сближе-

нія, но даже простыхъ сосѣдскихъ отношеній. Эту часть мусульманскаго общества, этихъ своего рода „старовѣровъ“ врядъ ли удастся разубѣдить въ ихъ прямолинейномъ заблужденіи: они и въ лучшій міръ унесутъ свои панисламистскія пожеланія.

Есть еще область, довольно близкая къ вопросамъ религіи, это—область мистической тайны, суфизма.

Казалось бы, именно въ этой области, гдѣ все основано на слѣпомъ обожаніи наставника группою лицъ, отдавшихъ ему свою душу, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было рассчитывать вызвать какія-либо перемѣны. Въ дѣйствительности же, за истекшіе полвѣка положеніе ишановъ въ обществѣ замѣтно измѣнилось. Народъ, прежде съ суевѣрнымъ страхомъ относившійся къ представителямъ ишанскаго сословія, нынче уже осмѣливается судить выдающихся представителей дервишизма, выдѣляя между ними, какъ исключеніе, безсребренниковъ и дѣйствительныхъ подвижниковъ; зато стяжатели и притворно благочестивые послѣдователи суфійскаго ученія подвергаются осужденію. Критика явилась тамъ, гдѣ до насъ ея не было, и это слѣдуетъ приписать общему русскому вліянію, заставившему и ишановъ принять участіе въ обновленной жизни туземцевъ, рядомъ съ русскими.

Сказавъ нѣсколько словъ объ измѣненіи въ духовной жизни туземцевъ, перейдемъ теперь къ болѣе замѣтнымъ всякому измѣненіямъ въ ихъ бытовой обстановкѣ.

Туземныя части городовъ мало измѣнили общій свой видъ: по прежнему эти части представляютъ лабиринтъ извилистыхъ узкихъ улицъ; но тамъ, гдѣ раньше можно было видѣть только ряды безконечныхъ глиняныхъ заборовъ, теперь на улицу весело смотрятъ окна, въ худшемъ случаѣ залѣпленные промасленной бумагою, а помѣщенія для приѣма гостей въ домахъ богатыхъ туземцевъ не только снабжены окнами со стеклами, но и по внутренней отдѣлкѣ своей приняли вполне европейскій видъ. Богатые туземцы большихъ городовъ другъ передъ другомъ щеголяютъ своими гостиными. Помѣщенія бѣдняковъ и теперь не отличаются роскошью отдѣлки, но все же кухня отдѣлена отъ жилого помѣщенія и домашнія животныя помѣщены особо. Въ кварталахъ, гдѣ прежде можно было найти только закопченный кумганъ для приготовленія кокъ—чая, теперь мы найдемъ нѣсколько самоваровъ россійскаго издѣлія, и этому не важному на нашъ взглядъ нововведенію сами туземцы придають значеніе явнаго признака благосостоянія. На

появление самовара въ обиходѣ своего дома сартъ прежде всего указываетъ, когда хочетъ провести параллель между прошедшей и настоящей обстановкой своей жизни. Кромѣ самовара, въ домахъ туземцевъ появились для приѣма русскихъ гостей столы и стулья, европейская посуда и прочая необходимая утварь. Въ долгіе зимніе вечера туземецъ уже не зажигаетъ допотопнаго маслянаго свѣтильника, а пользуется для освѣщенія керосиновой лампою. Въ домахъ самыхъ передовыхъ туземцевъ посѣтитель встрѣтитъ, если не хорошо сложенную унтермарковскую, то, по крайней мѣрѣ, переносную чугунную печь. Самъ туземецъ по-прежнему обходится безъ обогрѣванія своего помѣщенія, но къ приѣзду русскаго гостя непременно истопитъ печь въ своей гостиной, чтобы тѣмъ подчеркнуть свое знакомство съ европейскими обычаями.

Для передвиженія по городу туземцы еще недавно пользовались исключительно верховыми лошадьми, предоставляя въ распоряженіе женщинъ тщательно закрытыя арбы; въ наше же время туземцы охотно пользуются услугами извозчиковъ и трамвая. Высокопоставленные туземцы, муллы и казіи нѣсколько времени колебались, не желая разстаться съ обычною важною при передвиженіи верхомъ, но и эти консерваторы убѣдились вскорѣ, что не стоитъ настаивать на старомъ обычаѣ наперекоръ удобству и дешевизнѣ.

Одежда и обувь туземцевъ подверглась значительнымъ измѣненіямъ: по крою неуклюжіе широкіе халаты у горожанъ уступили мѣсто узенькимъ бешметамъ, а непрочные козловые ичиги при первой возможности замѣняются сапогами изъ американской лакированной кожи. Туземецъ теперь выбираетъ себѣ на платьѣ матерію подороже, да попрочнѣе и готовъ со всѣмъ отступить отъ непрактичныхъ туземныхъ бумажныхъ тканей.

Присматриваясь къ обстановкѣ своихъ русскихъ сосѣдей, туземецъ вообще легко перенимаетъ то, что практично, дешево и прочно, но, кромѣ того, и мода имѣетъ свое значеніе для жителей каждаго населеннаго пункта. Русскіе мануфактурные торговцы давно уже замѣтили, что ситецъ какого-либо затѣйливаго рисунка иногда въ нѣсколько дней становится моднымъ въ извѣстномъ городѣ: его берутъ нарасхватъ.

Въ торговлѣ туземныхъ купцовъ появилось весьма много такихъ товаровъ, о которыхъ прежде они не имѣли и понятія. Это замѣчается какъ въ мануфактурной, такъ и въ другихъ

отрасляхъ торговли. Теперь въ лавкѣ туземнаго торговца можно встрѣтить не только вещи, нужныя туземцу, но и товары, необходимые для европейца, и только лавки центральныхъ базаровъ въ большихъ сартовскихъ городахъ сохраняютъ и понынѣ свой чисто туземный колоритъ.

Туземные ремесленники сумѣли очень быстро примѣниться къ требованіямъ и вкусамъ европейскихъ заказчиковъ и переняли у русскихъ мастеровыхъ какъ приемы работы, такъ и болѣе нужные инструменты. Немногіе изъ туземцевъ оказались въ состояніи изучить то или другое ремесло въ совершенствѣ, но и эти самоучки находятъ широкой сбытъ своимъ произведеніямъ, такъ какъ, при ограниченности жизненныхъ потребностей, усидчивости и трезвости, они имѣютъ возможность конкурировать съ русскимъ мастеромъ передъ невзыскательнымъ заказчикомъ, понижая значительно цѣну на всякаго рода издѣлія. Туземные садоводы, особенно въ большихъ городахъ, быстро оцѣнили преимущества европейскихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ и не замедлили ввести прививки въ своихъ садахъ. Туземные земледѣльцы, подѣ влияніемъ спроса, измѣнили свое полевое хозяйство и замѣнили посѣвы пшеницы посѣвами хлопчатника, гдѣ только это оказалось возможнымъ по климатическимъ условіямъ. Хлопковая горячка вызвала туземные капиталы въ общее обращеніе и, разоривъ однихъ, обогатила другихъ хлопководовъ.

Въ значительной мѣрѣ измѣнился и размѣръ денежныхъ капиталовъ, находящихся въ рукахъ мѣстныхъ богачей. До прихода въ край русскихъ, богатство приходилось тщательно скрывать отъ хищническихъ поползновеній ханскихъ ставленниковъ. Съ водвореніемъ въ краѣ русскаго владычества, миновала всякая опасность, что денежный капиталъ подвергнется конфискаціи въ пользу ханской казны, и потому накопленіе капиталовъ пошло быстрыми шагами впередъ, тѣмъ болѣе, что всякое произведеніе туземнаго хозяйства нашло себѣ быстрый сбытъ съ улучшеніемъ путей сообщенія. Прежде, напримѣръ, въ Ташкентѣ считали крупными богачами людей, имѣющихъ 10—15 тысячъ рублей; въ наше же время для того, чтобы считаться извѣстнымъ богачемъ среди сартовъ, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, до полумилліона.

Многіе туземцы по своимъ торговымъ дѣламъ успѣли неоднократно побывать въ Европейской Россіи и даже за границей; тамъ, за рубежомъ Туркестанскаго края, они увидѣли совер-

шенно иной строй жизни, совершенно иное отношеніе людей другъ къ другу. Эти мимолетныя наблюденія, разумѣтся, еще не могли оказать рѣшительнаго вліянія на измѣненіе жизни туземцевъ, но во всякомъ случаѣ заронили въ душу среднеазиатскаго путешественника не мало новыхъ мыслей.

Всѣ перечисленныя выше переменны въ жизни туземцевъ подъ русскимъ вліяніемъ—ничто въ сравненіи съ крупной переменной, происшедшей за истекшіе полвѣка въ народномъ самосознаніи: забытый, а потому скрытый туземецъ за это время успѣлъ совершенно увѣриться въ томъ, что русскій законъ примѣняется совершенно одинаково, какъ къ кореннымъ русскимъ, такъ и къ инородцамъ; увѣрился онъ въ неприкосновенности исповѣдуемой имъ религіи и унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ обычаевъ. Все это дало туземцу спокойную увѣренность въ томъ, что все пріобрѣтенное имъ останется всегда неприкосновенною его собственностью, а это сознаніе есть залогъ плодотворной работы и развитія благосостоянія.

Слѣдующіе полвѣка несомнѣнно внесутъ еще больше измѣненій въ жизнь туземца, но и первое пятидесятилѣтіе нашего здѣсь пребыванія, какъ мы видѣли выше, не прошло безслѣдно, и безпристрастные туземцы должны добромъ вспомнить это прошедшее время.

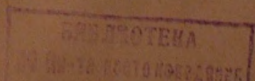
Мѣропріятія русской власти.

Всеобщія переписи населенія въ Туркестанѣ

116. 5519

До первой всеобщей переписи 1897 года населеніе Туркестанскаго края не было исчислено въ точности. Ежегодно требовались отъ представителей административной власти свѣдѣнія о числѣ жителей въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ, но такъ какъ въ распоряженіи спрашиваемыхъ не было рѣшительно никакихъ средствъ для полученія точныхъ свѣдѣній, то они представляли только приблизительныя данныя о числѣ жителей, выведенныя ариометически, путемъ помноженія числа домовъ и кибитокъ на 5 или на 7. Такимъ образомъ получалось довольно близкое къ дѣйствительности понятіе только объ общей численности населенія, безъ всякихъ данныхъ о возрастномъ его составѣ, занятіяхъ, характерѣ распредѣленія по территоріи края и т. п. Всеобщая же перепись должна собрать довольно полный матеріалъ, какъ это видно изъ перечня вопросовъ, перечисленныхъ въ ст. 2 „Положенія“.

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, при которыхъ перепись населенія Туркестанскаго края всего лучше могла бы быть произведена, надлежитъ прежде всего рекомендовать приступать къ переписи въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ все кочевое населеніе находится въ это время на зимовкахъ. Если для переписи избрать другое время, то можетъ случиться, что цѣлый родъ киргизъ, кочующій въ Акмолинской области, но приписанный къ участку Чимкентскаго уѣзда, окажется зарегистрированнымъ въ Акмолинской области, а перевалившій въ Бухарское ханство ауль Парчаюзъ Ура-тюбинскаго участка вовсе не подвергнется регистраціи. Зимнее время хорошо еще тѣмъ, что и осѣдлое населеніе въ это время года больше сидитъ на мѣстѣ: всѣ полевыя работы окончены, торговли, разъѣзжающіе по своимъ дѣламъ, возвращаются домой изъ другихъ городовъ, а холодъ заставляеть туземца больше сидѣть дома.

Домъ туземца дѣлится на двѣ половины — „ичкари“ и „ташкари“. Только въ наружную половину, „ташкари“, можно войти, не посягая на неприкосновенность помѣщенія женщинъ, ведущихъ затворнической образъ жизни и тщательно скрывающихъ лицо свое отъ посторонняго глаза. Это обстоятельство должно, повидимому, затруднить счетчика въ томъ отношеніи, что самъ онъ не увидитъ женщинъ, входящихъ въ составъ семьи; но это можетъ случиться со счетчикомъ и во внутренней Россіи, если почему либо въ одной изъ квартиръ всѣ женщины будутъ временно отсутствовать въ день переписи: въ подобныхъ случаяхъ счетчикъ имѣетъ возможность получить отъ квартирохозяина всѣ нужныя для переписи свѣдѣнія.

Туземцы Туркестанскаго края почти всѣ не знаютъ русскаго языка, а русскіе жители весьма рѣдко владѣютъ туземнымъ языкомъ. Положеніе о переписи предусматриваетъ такой случай и допускаетъ печатаніе вопросовъ въ переписныхъ карточкахъ на иностранныхъ языкахъ, знакомыхъ населенію. Въ нашемъ краѣ разноязычность населенія имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, потому что незнающіе государственнаго языка здѣсь не вкраплены небольшими группами среди знающихъ, а занимаютъ наибольшую часть территоріи края. Для того, чтобы произвести перепись туземцевъ исключительно русскими счетчиками пришлось бы къ каждому счетчику назначить еще по переводчику, такъ какъ при переписи придется довольно долго бесѣдовать съ главой каждой семьи, чтобы заполнить личныя карточки. У насъ не только не хватитъ переводчиковъ къ счетчикамъ, но и самыхъ то счетчиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно будетъ наберовать изъ числа русскихъ обывателей. Перепись внутри Россіи не встрѣтитъ недостатка въ грамотныхъ людяхъ для образованія контингента счетчиковъ. Обыкновенно перепись настолько интересуется интеллигентные классы общества, что профессора, студенты, гимназисты старшихъ классовъ, чиновники и офицеры охотно, безъ всякаго вознагражденія, предлагаютъ свой трудъ и даже добиваются возможности участвовать въ производствѣ переписи. Въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ такъ мало, что желающихъ принять участіе въ переписи едва хватитъ для производства переписи даже въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно русскими, и нечего думать о производствѣ всей переписи исключительно русскими счетчиками.

Такимъ образомъ безъ привлеченія къ производству пере-

писи грамотныхъ туземцевъ нельзя обойтись, а туземцы, всѣ поголовно, не имѣютъ понятія о томъ, съ какой цѣлью производится перепись вообще. Туземецъ твердо помнитъ „хераджныя“ и „танабныя“ регистраціи *) ханскихъ временъ, когда путемъ такихъ частныхъ переписей опредѣлялись размѣры податей. Туземцы города Ташкента, кромѣ того, видѣли перепись для оцѣнки ихъ имущества при введеніи городского оцѣночнаго налога и три переписи для составленія посемейныхъ списковъ. Эти послѣдніе списки, устанавливая личность каждаго туземца и его принадлежность къ извѣстной семьѣ, имѣли практически важное и ясное значеніе для каждаго, такъ какъ полученіе денегъ съ почты, отлучка изъ города и начало какого-либо торговаго предпріятія одинаково требуютъ удостовѣренія личности, а это удостовѣреніе дается не прежде, чѣмъ городской старшина дастъ справку, что проситель записанъ въ „джанъ—дафтаръ“**), какъ у туземцевъ называются посемейные списки. Эти переписи, производившіяся съ совершенно понятой для туземцевъ цѣлью, дѣлались только въ Ташкентѣ, въ другихъ же городахъ, селеніяхъ и среди кочевого населенія даже и такихъ частныхъ переписей до 1897 года не производилось. Необходимо поэтому задолго до наступленія переписи ознакомить туземцевъ съ порядкомъ ея производства и убѣдить ихъ, что перепись не повлечетъ за собой никакихъ непріятныхъ для нихъ послѣдствій, вродѣ, на примѣръ, повышенія налоговъ, воинской повинности, принудительнаго переселенія и т. п. Какъ на средство для ознакомленія туземцевъ съ переписью можно указать на разсылку въ громадномъ числѣ напечатанныхъ на простомъ тюркскомъ нарѣчій обстоятельныхъ объявленій о переписи, а также на личное разъясненіе представителями администраціи значенія переписи чинамъ туземной администраціи и пятидесятникамъ.

Въ виду необходимости положиться на счетчиковъ-туземцевъ является неизбѣжнымъ не только печатаніе вопросовъ личныхъ карточекъ на двухъ языкахъ, но и писаніе отвѣтовъ на туземномъ нарѣчій. Скажутъ, можетъ быть, что переводъ на русскій языкъ нѣсколькихъ милліоновъ карточекъ будетъ затруднителенъ, но, мнѣ кажется, что только такимъ путемъ можно добиться сколько-нибудь вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ и

*) Хераджъ и „танабъ“—поземельныя подати двухъ видовъ.

**) Въ переводѣ: „тетрадь душъ“—подушный списокъ.

составъ населенія. Устранить необходимость перевода текста личныхъ карточекъ нельзя, потому что у насъ нѣтъ достаточнаго числа счетчиковъ, знакомыхъ съ туземнымъ языкомъ. Изъ числа грамотныхъ туземцевъ необходимо отобрать самыхъ благонадежныхъ счетчиковъ, а для этого желательнo было бы заинтересовать въ успѣшномъ окончаніи переписи туземную интеллигенцію. Этого можно достигъ, если высшіе начальники, лично пригласивъ къ себѣ избранныхъ администраціей лицъ, постараются убѣдить интеллигентныхъ туземцевъ поработать наряду съ туземной администраціей надъ производствомъ переписи и возбуждать въ будущихъ счетчикахъ рвеніе общаніемъ вознаграждать, наиболѣе старательныхъ и аккуратныхъ, наградами въ видѣ почетныхъ халатовъ. Почетный халатъ 3-го разряда представляется крайне заманчивымъ состоятельному туземцу, и то чего онъ не сдѣлалъ бы за деньги, въ которыхъ не нуждается, онъ сдѣлаетъ изъ желанія заслужить вниманіе начальства. Вознагражденіе бѣднымъ счетчикамъ также слѣдовало бы выдавать въ видѣ простыхъ халатовъ, стоимостью на ту сумму денегъ, какая заработана. Такой подарокъ, выданный при торжественной обстановкѣ въ присутствіи начальства, по душѣ придется всякому туземцу и счетчики будутъ, какъ чести, добиваться этого назначенія.

Въ видахъ облегченія подготовительныхъ къ переписи работъ, полезно было бы предпослать всеобщей однодневной переписи мѣстную полицейскую перепись, добывъ при посредствѣ администраціи подробныя свѣдѣнія о числѣ, названіи и распредѣленіи по территоріи края всѣхъ населенныхъ пунктовъ: городовъ, русскихъ селеній, кишлаковъ осѣдлыхъ туземцевъ и зимовыхъ стойбищъ кочевниковъ, а также временныхъ базаровъ, съ показаніемъ возможно точнаго числа домовъ, кибитокъ и числа жителей. На общей большой картѣ Туркестанскаго края необходимо нанести всѣ подлежащія переписи населенные пункты и опредѣлить ихъ взаимныя между собой разстоянія.

Въ кишлакахъ и городахъ, населенныхъ туземцами, въ случаѣ, если бы не удалось привлечь къ участию въ переписи людей интеллигентныхъ, придется обратиться къ услугамъ „дамудла-имамовъ“, которые имѣются при каждой мечети и занимаются, кромѣ предстоянія на молитвѣ, преподаваніемъ въ мѣстной приходской школѣ.

Этихъ людей можно считать достаточно грамотными и, кромѣ того, они могутъ быть полезны потому, что хорошо знаютъ почти всѣхъ жителей своего „махалля“, расположеніе домовъ, занятія и взаимныя семейныя отношенія своихъ прихожанъ.

Объяснивъ въ деталяхъ механизмъ переписи и отобравъ отъ избранныхъ счетчиковъ подписки, что они будутъ подчиняться всѣмъ предписаннымъ правиламъ, нельзя будетъ все-таки вполнѣ положиться на точность свѣдѣній, внесенныхъ въ переписные листы туземцами-счетчиками; необходимо будетъ заранѣе предупредить всѣхъ привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ, что доставленныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія будутъ провѣрены на выдержку, и это послѣднее необходимо дѣйствительно исполнить. Провинившійся счетчикъ-туземецъ можетъ быть и не объяснить толкомъ, почему онъ не вписалъ въ листы нѣкоторыхъ лицъ, но онъ можетъ это сдѣлать совершенно необдуманно, руководимый только желаніемъ скрыть истину. При посемейныхъ переписяхъ въ туземной части Ташкента число жителей по переписи всегда явно уступало дѣйствительной населенности города; это происходило оттого, что хозяева домовъ нерѣдко скрывали своихъ женъ и дочерей, не желая сказать ихъ имена счетчику. Туземецъ, даже обращаясь къ женѣ или дочери, не называетъ ихъ по имени, а прибѣгаетъ къ какому-нибудь намеку или эпитету; спросить: „какъ зовутъ вашу жену?“ — считается неприличнымъ. Поэтому будетъ не удивительно, что и при всеобщей переписи не мало женщинъ ускользнетъ отъ регистраціи. Надо внушить счетчикамъ, чтобы они повліяли на своихъ однамахаллинцевъ и, зная приблизительно семейный составъ того дома, который переписывается, не упускали бы случая тутъ же, на мѣстѣ, провѣрять показанія одного показаніями другихъ.

При производствѣ переписей въ городахъ внутренней Россіи начало всѣхъ работъ по времени дня приурочивается обыкновенно къ 9—10 часамъ утра. У насъ время это необходимо измѣнить, потому что въ 9—10 часовъ утра, даже зимой, большинство домохозяевъ уже не бываетъ дома: торговецъ сидитъ въ лавкѣ, черноработчій становится на поденную работу, а мастеровой давно работаетъ въ мастерской, часто довольно далеко отстоящей отъ его дома. Поэтому и раздачу переписныхъ листовъ и отобраніе ихъ отъ домовладѣльцевъ необходимо произвести гораздо раньше. Туземцы встаютъ очень рано

около 4 часовъ утра, для первой молитвы; къ этому времени долженъ поспѣть счетчикъ, и если онъ живетъ въ томъ же „махалля“, которое ему приходится переписывать, то приступить къ дѣлу тотчасъ, какъ слышитъ „азанъ“, призывъ къ первой молитвѣ. Можно бы предупредить населеніе особымъ приказомъ, что въ такой-то день въ каждомъ домѣ долженъ быть на-лицо или хозяинъ дома, или замѣняющій его взрослый родственникъ. Это явится нѣкоторымъ насиліемъ надъ свободой туземцевъ, но избѣжать его трудно, такъ какъ въ отсутствіи хозяина домъ туземца представляется недоступнымъ. Женщины не выйдутъ на зовъ счетчика, войти во внутреннее помѣщеніе—значило бы нарушить самыя основныя правила приличія и крайне раздражить хозяина; да если бы и удалось счетчику вступить въ разговоры съ хозяйкой дома, то она не скажетъ ему ничего о своей семьѣ изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе мужа. Молчаніе и скромность при постороннихъ составляютъ лучшее украшеніе туземной женщины и трудно заставить ее разговариваться, а когда собираешь какія-нибудь свѣдѣнія, почти невозможно: „я не знаю“, „мужа нѣтъ дома“, „когда придетъ, спросите у него“—вотъ отвѣты туземныхъ женщинъ на всѣ вопросы и вслѣдъ за отвѣтомъ она запираетъ передъ носомъ спрашивающаго дверь.

Въ большихъ туземныхъ городахъ торговля сосредоточивается на центральныхъ базарахъ, и большіе базары имѣютъ свое населеніе. Здѣсь живутъ базарные караульщики, въ чайхане остаются ночевать хозяева и работники, часто не имѣющіе въ городѣ своего дома, въ кладовыхъ при чайхане находятъ пріютъ всевозможные пришельцы изъ другихъ городовъ и даже сосѣднихъ ханствъ, а въ топкахъ туземныхъ бань зимой спасаются отъ холода паріи туземнаго населенія—душевно-больные, если холодъ загонитъ ихъ туда съ кладбищъ, гдѣ эти несчастные ночуютъ нерѣдко подъ навѣсами, устроенными на могилахъ. Все это бродячее населеніе необходимо зарегистрировать особенно тщательно, потому что оно не имѣетъ опредѣленнаго мѣста жительства. При этомъ можетъ случиться, что субъектъ, ночевавшій въ ночь передъ переписью въ одномъ изъ помѣщеній базара, будетъ показанъ и въ своемъ домѣ на-лицо, а не въ числѣ временно отсутствующихъ, и надо весьма тщательно разобраться въ возможной при записи путаницѣ.

При вписываніи въ личныя карточки возраста счетчикамъ неминуемо придется встрѣтиться съ трудностью полученія отъ

туземцевъ свѣдѣній объ ихъ лѣтахъ. Рѣдкій туземецъ въ состояніи правильно отвѣтить на вопросъ: „сколько вамъ лѣтъ?“ Происходитъ это оттого, что для счисленія возраста у туземцевъ повсемѣстно принятъ счетъ прожитыхъ годовъ по особому двѣнадцатилѣтнему циклу, въ которомъ каждый годъ имѣетъ свое названіе. Этотъ цикл носить названіе „мучаль“, а входящіе въ составъ его годы называются по порядку: мышь, корова, тигръ, заяцъ, рыба, змѣя, лошадь, баранъ, обезьяна, курица, собака, свинья. Часто туземецъ затруднится отвѣтить на вопросъ, сколько ему лѣтъ, но зато онъ твердо помнитъ названіе того года, въ которомъ онъ родился. Надо спросить: „илингизъ кайсы“ или „мучалингизъ кайсы“,—и спрашивающій получитъ названіе этого года, а по числу повтореній года рожденія можетъ провѣрить показаніе о возрастѣ. Добиться свѣдѣній о днѣ и мѣсяцѣ рожденія, нечего и думать; ни одинъ туземецъ, даже изъ грамотныхъ, не скажетъ вѣрно, въ какой именно день онъ родился, потому что никто изъ нихъ не упоминаетъ точно времени появленія на свѣтъ ребенка.

Въ заключеніе остается сказать, что дѣло переписи въ Туркестанѣ—очень трудное дѣло и можетъ быть произведено болѣе или менѣе успѣшно только послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ его сторонъ.

Имена туземцевъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Туркестанскаго географическаго общества былъ возбужденъ вопросъ объ установленіи правильной транскрипціи мѣстныхъ географическихъ названій въ краѣ. Вопросъ этотъ имѣетъ, безспорно, немаловажное значеніе, но гораздо важнѣе установить правильную транскрипцію собственныхъ именъ туземцевъ. Благодаря неустановившейся транскрипціи, мы безбожно коверкаемъ собственныя имена, тогда какъ ошибка въ произношеніи, а тѣмъ болѣе въ написаніи имени человѣка можетъ повлечь за собою гораздо болѣе непріятныя послѣдствія, чѣмъ искаженіе названія какого либо урочища. Достаточно представить себѣ задержаніе туземца съ паспортомъ, въ которомъ невѣрно написано его имя или отчество, выдачу денежнаго пакета вмѣсто адресата другому лицу, тоже изъ-за ошибки въ транскрипціи, наконецъ, осужденіе русскимъ судомъ не того, кто виноватъ, чтобы судить о практической важности правильнаго написанія туземныхъ именъ.

Одинъ изъ нашихъ податныхъ инспекторовъ составилъ краткій списокъ именъ туземцевъ, который въ литографированныхъ копiяхъ имѣется въ нѣкоторыхъ казначействахъ, но эта работа мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ составленный списокъ содержитъ въ себѣ имена, распространенныя, главнымъ образомъ, въ Кокандѣ и кокандскомъ уѣздѣ, тогда какъ, напр., въ Чимкентскомъ уѣздѣ почти не встрѣчаются среди туземцевъ указанныхъ въ этомъ спискѣ именъ.

Дѣло въ томъ, что въ каждой мѣстности края только извѣстныя имена популярны среди мѣстнаго населенiя; другiя имена иногда вовсе отсутствуютъ въ данной мѣстности, зато преобладаютъ въ другой. Объясняется это явленiе, какъ общей всѣмъ людямъ привычкой называть своихъ дѣтей именами почтенныхъ родственниковъ, вслѣдствiе чего извѣстныя имена фиксируются въ данномъ округѣ, такъ и различiемъ этнографическихъ группъ, населяющихъ данную мѣстность. Поэтому, полный словарь туземныхъ именъ, хотя бы для коренныхъ областей Туркестанскаго края, долженъ будетъ состоять изъ многочисленныхъ именъ, принятыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ края.

Тѣмъ желательнѣе составленiе подобнаго словаря и одно изъ мѣстныхъ ученыхъ учреждений (напр., общество востоковѣдѣнiя или географическое общество), оказало бы и русскому, и туземному населенiю неоцѣнимую услугу, принявъ на себя починъ въ изслѣдованiи затронутаго вопроса. Централизацiя этой работы необходима потому, что только собирая въ одно мѣсто списки именъ, присланныхъ изъ разныхъ уѣздовъ края, возможно охватить изслѣдованiемъ все разнообразiе характерныхъ для разныхъ мѣстъ края именъ. Только сосредоточивъ сборъ матеріаловъ въ ученомъ учрежденiи, возможно достигнуть извѣстной полноты и правильности транскрипцiи именъ, требующей, прежде всего, однообразiя, чтобы каждый, желающiй написать имя правильно, могъ изъ общаго для всѣхъ словаря извлечь нужныя свѣдѣнiя.

Разумѣется, крайне желательно было бы имѣть словарь на двухъ языкахъ, чтобы какъ знающiй туземный языкъ русскiй былъ въ состоянiи, въ случаѣ надобности, правильно написать имя туземца на мѣстномъ нарѣчiи, такъ и грамотный по-русски туземецъ могъ бы изъ того же словаря извлечь справку о правильномъ написанiи своего имени, отыскавъ въ словарѣ по-туземному написанное имя и взявъ соотвѣтствующую ему русскую транскрипцiю.

Работа по составленію такого словаря весьма кропотлива, требуетъ серьезнаго редакторскаго труда, но зато подобный словарь избавилъ бы практическихъ дѣятелей отъ многихъ весьма прискорбныхъ и подчасъ непоправимыхъ ошибокъ. Для составленія списка именъ по г. Ташкенту есть уже сырой матеріалъ: въ полицейскомъ управленіи туземной части имѣются посемейные списки, или, какъ называютъ ихъ туземцы, „джандафтары“*), содержащіе въ себѣ имена 125 тысячъ туземцевъ стараго Ташкента, мужчинъ и женщинъ. Очевидно, что систематически составленная и расположенная по алфавиту выписка именъ изъ такого значительнаго числа дастъ совершенно вѣрный отвѣтъ на вопросъ, какія имена наиболѣе употребительны у сартовъ г. Ташкента. Для другихъ мѣстностей возможно воспользоваться посемейными списками и раскладками податей, составляемыми въ селеніяхъ и аулахъ, но необходимо имѣть свѣдѣнія изъ всѣхъ мѣстностей края, не взирая на то, что при собираніи по частямъ могутъ встрѣтиться повторенія однихъ и тѣхъ же именъ, попадающихся въ различныхъ мѣстностяхъ.

Какъ ни пестрятъ разнообразіемъ мѣстныя имена туземцевъ въ разныхъ углахъ Туркестанскаго края, однако, и въ этомъ разнообразіи возможно прослѣдить нѣкоторую послѣдовательность.

Начнемъ съ кочевниковъ—киргизъ. Въ степь сравнительно мало проникла мусульманская схоластика и грамотность на арабскомъ языкѣ. Кромѣ того, киргизъ и въ наше время живетъ простой, близкой къ природѣ жизнью. Эти условія оказываютъ вліяніе и на нареченіе именъ рождающимся въ особой обстановкѣ дѣтямъ.

Прежде всего у киргизъ часто встрѣчаются знаменитыя имена родоначальниковъ ордъ, родовъ и отдѣленій.

Далѣе, въ бѣдной событіями, простой и однообразной жизни хочется, посредствомъ нареченія имени ребенку, отмѣтить и запечатлѣть въ памяти событія, имѣвшія отношеніе къ рожденію ребенка или случайно совпавшія съ рожденіемъ по времени. Отсюда въ киргизскомъ обиходѣ, встрѣчаются имена вродѣ: Байкильды (хозяинъ пріѣхалъ), Туляббирганъ (заплатившій дань), Ходжакильды (ходжа пріѣхалъ), Ходжа Назаръ (взглядъ ходжи), Иитмышъ (семьдесятъ) и т. д.

Нарекая имена, часто выражаютъ въ самомъ имени завѣт-

*) Посемейные списки (въ переводѣ—теградъ душъ).

ныя пожеланія ребенку, вродѣ: Турсунъ (пусть живетъ), Ульмасть (не умретъ), Бай-буль (будь богачемъ)—для мальчиковъ, и что-нибудь вродѣ: Кызь-тугмасть (не будетъ родить дѣвочекъ)—для дѣтей женскаго пола.

Не было подходящаго событія, не пришло въ голову желанія—и киргизъ нерѣдко называетъ ребенка словомъ, взятымъ прямо изъ окружающей природы или принятымъ въ качествѣ синонима для выраженія какого-нибудь совершенства. Нерѣдки поэтому среди киргизъ Бури-бай (волкъ), Бута-бай (верблюже-нокъ), Туякъ-бай (копыто), Мусукъ (кошка), Арсланъ (левъ), Джульбарсъ (тигръ) и т. п.—для мальчиковъ, Улугъ-ай (большой мѣсяцъ), Юлдузь (звѣзда), Камаръ (луна), Саусаръ (куница) и т. п.—для дѣвочекъ.

Таковы пріемы нареченія именъ у нашихъ кочевниковъ — киргизъ.

Осѣдлое населеніе—сарты и таджики—совершенно иначе относятся къ этому и здѣсь считающемуся немаловажнымъ дѣлу. Они рѣдко сами изобрѣтаютъ имена для своихъ дѣтей, а чаще предоставляютъ выборъ имени мѣстному имаму, или же называютъ дѣтей по именамъ ближайшихъ родственниковъ. Только для женскихъ именъ принято выбирать что-либо изящное, красивое, что могло бы украсить свою обладательницу.

Мѣстные же имамы, какъ представители духовнаго сословія всецѣло находятся подъ властью мусульманской схоластики и не могутъ за выборомъ имени обратиться къ своей фантази. Они предпочитаютъ выборъ имени по гаданію изъ „прекрасныхъ именъ Божіихъ“.

Мусульмане вѣруютъ, что Богу присущи 4000 прекрасныхъ именъ; нѣкоторые законовѣды изъ общаго числа выбираютъ только 1001, а изъ нихъ всѣмъ туземцамъ хорошо извѣстны 99 именъ, обозначающія свойства Бога, его качества.

Вотъ изъ списка этихъ-то именъ муллы осѣдлаго населенія и выбираютъ имена для нареченія младенцевъ, отступая отъ этого списка только въ пользу нѣкоторыхъ именъ прославившихся своею вѣрою подвижниковъ Ислама, или руководителей духовныхъ суфійскихъ или мистическихъ орденовъ.

Однако, не всѣ имена изъ списка именъ Божіихъ пользуются одинаковой популярностью и, нарекая имена, избираютъ чаще другихъ слѣдующія: Рахманъ (милостивый), Рахимъ (милосердный), Муминъ (вѣрный), Азизъ (державный), Джабаръ

(крѣпкій), Разакъ (снабжающій), Алимъ (знающій), Хакимъ (судія), Азимъ (верховный), Шукуръ (благотворитель), Халиль (величественный), Каримъ (щедрый), Кадыръ (мощный), Рауфъ (благій), Маджидъ (досточтимый), Гани (богатый), Бақы (вѣчный).

Такое имя составляет основу. Но такъ какъ сарты фамилій не имѣютъ и называютъ другъ друга только по имени и отчеству, то приходится различать одноименныхъ субъектовъ, что достигается приставками до и послѣ имени.

Чаще всего къ имени прибавляется имя мусульманскаго вѣроучителя и получаютъ имена: Мухаммадъ-Каримъ, Мухаммадъ-Аминъ, Дустъ-Мухаммадъ и т. п. Приставка имени Мухаммадъ въ просторѣчии сокращается при произношеніи въ слогъ Мадъ, откуда и получаютъ имена: Мадкаримъ, Мадаминъ, Дустмадъ и пр. Киргизы то же имя переименовываютъ по своему въ Мамбетъ, получается Мамбетъ-Али (у сартовъ Мадали), Мамбетъ-Шукуръ (у сартовъ Машукуръ).

Далѣе, передъ арабскими словами, выражающими свойства Божіи, кромѣ арабскаго члена („аль“), часто ставятъ слово „абу“, что значитъ по-арабски рабъ, или то же понятіе выражаютъ тюркскимъ „кулъ“, которое ставится и до и послѣ основного имени. Этого рода приставки выражаютъ, что человѣкъ считаетъ себя рабомъ Бога (Абдулла), или Мухаммада (Мухаммадъ-кулъ), или пророка (Абдуррасулы, Абдунаби).

Человѣкъ грамотный прибавляетъ къ своему имени слово „мулла“, получается: Мулла-Азизъ, Мулла-Каримъ.

Ремесленникъ-мастеръ ставитъ прибавку „Уста“: Уста-Каримъ, Уста-Азизъ.

Тотъ, кто служилъ когда-нибудь аксакаломъ или старшиной, присоединяетъ къ своему имени слово аксакаль, хотя бы онъ и не состоялъ болѣе на службѣ; получается: Асиль-Аксакаль, Салиматъ-Аксакаль и т. п.

Человѣкъ зажиточный присоединяетъ къ имени слово „бай“, чтобы отличить себя отъ одноименнаго бѣдняка.

Преподаватели высшихъ мусульманскихъ учебныхъ заведеній (мадраса) прибавляютъ къ имени слово „дамулла“, а сыновья извѣстныхъ ученыхъ сохраняютъ титулъ „махсумъ“.

Происходящіе отъ Мухаммада родовитые туземцы носятъ титулы „саидъ“, „ходжа“.

Происходящіе отъ извѣстнаго мистика Міана-Раббани, присоединяютъ къ имени слово „міанъ“.

Члены мистическихъ орденовъ добавляють къ имени слово „ишанъ“.

Есть еще родовой титуль „тура“ и, наконецъ, совершившій паломничество (хаджъ) въ Мекку получаетъ право на титуль „хаджи“ *).

Употребляются также и многія другія приставки: миръ, мирза, джанъ, байбача и т. п.; эти приставки до и послѣ основного имени разнообразятся въ каждой мѣстности по-своему.

Если-бы удалось составить списокъ наиболѣе употребительныхъ именъ туземцевъ и приложить къ нему правила, разъясняющія пользованіе приставками, то это устранило бы много ошибокъ и недоразумѣній, происходящихъ отъ нашего невниманія къ именамъ туземцевъ и неправильнаго ихъ написанія.

Преміи за знаніе языковъ.

На одномъ изъ общихъ собраній членовъ Ташкентскаго отдѣленія общества востоковѣдѣнія былъ поднятъ вопросъ о распространеніи знанія русскаго языка среди туземцевъ Туркестанскаго края и туземныхъ нарѣчій среди русскаго, въ особенности, служилаго люда. Въ такой формѣ вопросъ поставленъ, кажется, впервые. Впервые признано, что для упроченія русскаго вліянія въ краѣ необходима двойная работа, движеніе навстрѣчу другъ другу двухъ главныхъ группъ мѣстнаго населенія.

Все, что сдѣлано до сихъ поръ для распространенія среди туземцевъ русскаго языка, общество востоковѣдѣнія, повидимому, склонно считать работой весьма плодотворной, а достигнутые результаты—солидными. Конечно, честь и хвала всѣмъ кто работалъ и продолжаетъ трудиться на этомъ благородномъ поприщѣ, но къ достигнутымъ результатамъ надо отнести пострже.

Намъ пришлось познакомиться на службѣ съ учениками первой въ краѣ русско-туземной школы за то время, когда ея руководилъ выдающійся знатокъ края В. П. Наливкинъ, положившій начало обученію инородческихъ дѣтей русскому языку. Лучшій ученикъ этого перваго набора школьниковъ У. Т—въ сдѣлалъ свою карьеру на нашихъ глазахъ, и мы имѣли возможность прослѣдить, какъ онъ постепенно совершенствовался въ русскомъ языкѣ.

*) Совершившій „хаджъ“.

По окончаніи курса У. Т—въ едва умѣлъ неправильно передать по-русски свои мысли, бойко, но съ плохими удареніями читалъ русскую книгу и кое-что зналъ изъ ариѳметики по русской методѣ, постоянно сбиваясь, однако, на сартовскій „абджадъ“ *). Въ 1890 г. юноша поступилъ въ канцелярію начальника г. Ташкента, гдѣ понемногу сталъ совершенствоваться, какъ въ разговорномъ русскомъ языкѣ, такъ и въ письменномъ изложеніи. Далѣе У. Т—въ служилъ приказчикомъ-писцомъ у неграмотнаго купца (5 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ), писцомъ у городского аксакала (10 руб. въ мѣсяцъ) и, наконецъ, занялъ отвѣтственную должность городского старшины, по значенію равную должности волостного управителя. Такого положенія достигъ мой знакомый черезъ 10 лѣтъ по выходѣ изъ школы. У. Т—въ былъ бѣднымъ сиротой и на рукахъ у него была семья, которую надо было содержать. Чисто экономическіе расчеты подвинули юношу на сближеніе съ русскими и на значительную затрату энергіи для достиженія намѣченной цѣли—матеріальной обеспеченности и почетнаго положенія среди своихъ единоплеменниковъ. Какъ видимъ, этотъ лучший, удачнѣйшій воспитанникъ русско-туземной школы прибрѣлъ большую часть своихъ познаній за стѣнами учебнаго заведенія и прибрѣлъ не безъ упорнаго труда, побуждаемый къ тому только открывавшимися впереди выгодными перспективами.

Пока знакомецъ мой проходилъ этотъ послѣучилищный курсъ, многіе изъ его сверстниковъ побогаче изъ купческаго сословія, не учившіеся въ русско-туземной школѣ, успѣли легко овладѣть и русской разговорной рѣчью, и грамотой: имъ удалось побывать во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и тамъ изучить русскій языкъ практически.

Случалось намъ также наблюдать сартовъ и евреевъ, посѣщавшихъ курсы для взрослыхъ. Эти люди энергично трудились и торопливо изучали языкъ до того момента, когда могли самостоятельно составить и написать коротенькую торговую телеграмму, или буквально нацарапать безграмотнѣйшее, непонятное для незнающаго сартовскаго языка прошеніе. Ихъ сверстники, мелкіе торговцы воскресенскаго базара, за то же самое время легко изучали русскую разговорную рѣчь и бойко объяснялись съ русскими покупателями.

*) Особый мусульманскій приемъ обученія таблицъ умноженія путемъ заучиванія словъ.

Потомъ мнѣ пришлось видѣть городское училище въ Чимкентѣ *). Здѣсь въ интернатѣ при училищѣ были мальчишки-киргизы, постоянно жившіе вмѣстѣ съ русскими мальчишками и вмѣстѣ съ ними учившіеся. Эти мальчишки не только хорошо усваивали русскую грамоту и занимались по программѣ училища такими предметами, какъ географія, исторія, арифметика и геометрія, но вдобавокъ вполне овладѣвали разговорною рѣчью и перенимали также русскіе обычаи, т. е. становились по истинѣ обрусѣвшими киргизами, не только знающими русскій языкъ, но и желающими жить по-русски. Этого рода училища дали многихъ дѣльныхъ воспитанниковъ учительской семинаріи, много хорошихъ переводчиковъ, одного врача и одного офицера-артиллериста.

Приведенныя наблюденія указываютъ на то, что обученіе маленькихъ сартятъ русскому языку въ предѣлахъ программы русско-туземной школы, при отсутствіи совмѣстнаго обученія съ русскими дѣтьми, даетъ весьма мало людей, которые могли бы продолжать изученіе русскаго языка самостоятельно и пріобрѣтаться затѣмъ къ культурной работѣ, совершаемой русскими въ краѣ. Напротивъ, городскія училища съ интернатами, гдѣ инородческія дѣти живутъ съ русскими бокъ-о-бокъ и проходятъ на русскомъ языкѣ дающую общее развитіе программу, выпускаютъ молодыхъ людей, не только способныхъ продолжать свое образованіе, но и лишенныхъ (вслѣдствіе пріобрѣтенной ими привычки къ другой обстановкѣ) возможности возвратиться къ дѣдовскому укладу жизни, потонуть въ темной массѣ мусульманскаго населенія края.

Отмѣченной разницей между двумя типами учебныхъ заведеній для инородцевъ объясняется пожертвованіе чимкентскими киргизами нѣсколько лѣтъ тому назадъ около 100 тысячъ рублей на расширеніе городского училища.

Необходимо сломить ту вѣковую преграду, которую представляетъ самый укладъ сартовской жизни, и поставить учащихся по-русски сартятъ въ русскую обстановку, въ непосредственныя сношенія съ ихъ русскими сверстниками. Только тогда можно рассчитывать на удовлетворительные результаты. Намъ скажутъ, что это будетъ дорого. Да, но за безцѣнокъ при нормальныхъ условіяхъ вообще не удастся пріобрѣсти предметы высокаго достоинства. Какое-же имѣемъ мы основаніе ожидать цѣнныхъ результатовъ отъ дешевыхъ русско-туземныхъ школъ?

*) Нынѣ городъ Черняевъ.

Привлечь сартовъ въ училища описаннаго типа будетъ не легко. Многіе въ Ташкентѣ помнятъ, какъ сартенокъ-гимназистъ (сынъ покойнаго Мухитдина-ходжи), пріѣзжая въ учебное заведеніе въ національномъ костюмѣ, облачался въ гимназическій мундиръ уже въ стѣнахъ гимназіи (въ каморкѣ швейцара) и тщательно избѣгалъ показываться на улицахъ стараго города въ русской одеждѣ. Ясно, что при такомъ настроеніи высшихъ слоевъ сартовскаго общества, крѣпко держащихся традиціи и не поступающихъ въ этомъ отношеніи даже мелочами, заманить сартятъ въ русскія училища будетъ довольно трудно. Лучшею изъ мѣръ, которыя можно было-бы принять въ этомъ направленіи, является установленіе преміи за изученіе русскаго языка, которая была-бы въ состояніи заставить туземцевъ добиваться ея. Какова должна быть премія—это вопросъ серьезный. М. Г. Черняевъ выдавалъ въ Чимкентѣ пособія сартянкамъ, которыя соглашались отдавать своихъ дочерей въ женское училище. Пособія получались исправно, но дѣвочки русскому языку не научились. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ; можетъ быть теперь матеріальный расчетъ привлечетъ въ русскія школы бѣдныхъ сартовскихъ дѣтей, если въ этихъ школахъ имъ дадутъ все, что необходимо для существованія, а сверхъ того будутъ еще учить.

Перейдемъ теперь ко второй части вопроса, затронутаго обществомъ востоковѣдѣнія,—къ тому, какъ распространяется знаніе туземныхъ нарѣчій между русскими, живущими въ краѣ. Общество признаетъ, что распространеніе туземныхъ языковъ среди мѣстнаго русскаго люда невелико; только отдѣльныя личности успѣли изучить мѣстные языки, обычаи, исторію или этнографію,—кого что больше интересовало.

Работа этихъ лицъ дала плоды небольшіе, но зато она выяснила мотивы, которыми руководствовались всѣ означенныя лица, затрачивая на изученіе языковъ трудъ и время. Русскій купецъ изучаетъ языкъ, чтобы его не обманулъ маклеръ-сартъ. Служащіе путемъ изученія языка стремятся избавиться отъ переводчиковъ и сберечь затрачиваемыя на ихъ наемъ деньги.

Въ приказѣ Туркестанскаго генераль-губернатора 1906 года за № 46 *) констатированъ фактъ незнанія туземныхъ нарѣчій многими служащими по администраціи. Явленіе это признано

*) „Туркестанскія Вѣдомости“ 1906 г. №№ 44 и 45.

ненормальнымъ и требующимъ воздѣйствія со стороны высшей власти въ краѣ. Приказъ не упоминаетъ о необходимости знанія туземныхъ языковъ для другихъ служащихъ въ краѣ, а между тѣмъ, это знаніе столь-же необходимо судьѣ, слѣдователю, землемѣру, лѣсничему, податному инспектору, врачу и фельдшеру. Достаточно представить себѣ какого-нибудь слѣдователя, ведущаго слѣдствіе при посредствѣ невѣжественнаго, а зачастую и недобросовѣстнаго переводчика, чтобы понять, на сколько важно знаніе туземныхъ языковъ для представителей судебной власти. Точно такъ же и въ практикѣ служащихъ въ Туркестанѣ по другимъ вѣдомствамъ нерѣдки случаи, когда, безъ знанія туземнаго языка, обойтись очень трудно, а потому знаніе туземныхъ нарѣчій слѣдовало бы сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ служащихъ въ краѣ.

Образованная по вопросу о распространеніи среди служащихъ знанія мѣстныхъ нарѣчій комиссія высказалась за то, что такого знанія можно потребовать отъ кандидатовъ на административныя должности, привлекая офицеровъ къ изученію мѣстныхъ нарѣчій единственно только выгодами, связанными съ переходомъ на службу по администраціи. Однако, выгоды службы по администраціи не настолько велики, что онѣ могли побудить достаточное число офицеровъ приняться за изученіе языка: условія денежнаго довольствія въ войскахъ измѣнены къ лучшему и ротному командиру почти нѣтъ расчета переходить на должность участковаго пристава. Поэтому необходимо установить въ видѣ премій за знаніе туземныхъ языковъ добавочныя выдачи, какъ это практикуется въ военномъ вѣдомствѣ по отношенію къ офицерамъ, окончившимъ курсы восточныхъ языковъ. Точно также и въ Индіи британское правительство для распространенія среди служащихъ знанія тибетскаго языка установило выдачу премій въ 500 рупій *).

Нельзя согласиться съ требованіемъ комиссіи о возможности установленія разныхъ минимумовъ знанія мѣстнаго языка и обычаевъ въ зависимости отъ положенія даннаго лица въ административной іерархіи. Минимумъ во всякомъ дѣлѣ можетъ быть только одинъ, а потому и въ знаніи языка и обычаевъ минимумомъ должно быть признано такое знаніе разговорнаго языка, письменности и обычаевъ, которое обезпечивало бы возможность идти въ этомъ направленіи дальше. Для того, чтобы

*) „Туркестанскія Вѣдомости“ 1904 г. № 165. „Разумная поспѣшность“.

овладѣть правильной разговорной рѣчью, т. е. быть въ состояніи вести дѣловые разговоры, а не ограничиваться отрывочными, заученными фразами, нельзя обойтись безъ элементарныхъ познаній въ грамматикѣ и письменности. Правда, выросшіе въ Туркестанѣ русскіе люди иногда бойко объясняются на туземномъ нарѣчіи, но такой разговоръ ограничивается сферою узкихъ, обыденныхъ отношеній; русскіе мальчики, играя съ сартятами, выучиваются сартовскому языку въ кругѣ тѣхъ понятій, который связанъ съ игрой, улицею и бранью.

Для администратора, если онъ хочетъ путемъ знанія мѣстнаго языка войти въ жизнь того народа, которымъ онъ призванъ управлять, этого мало. Ему необходимо знать языкъ гораздо основательнѣе и, прежде всего, надо знать грамоту. Между тѣмъ, по предположеніямъ комиссіи, для участковаго пристава требуется только разговорная рѣчь, и только выше, начиная съ помощника уѣзднаго начальника, считается необходимымъ знаніе письменности. Но если рассуждать такимъ образомъ, то помощникъ губернатора долженъ знать больше уѣзднаго начальника и меньше губернатора. Выдержать эту систему градаций до конца невозможно, а потому не должно ставить ее и въ началѣ служебной лѣстницы. Не лучше ли установить для всѣхъ служащихъ или желающихъ поступить на службу по администраціи общій минимумъ знаній языка и обычаевъ, чтобы служащій могъ, въ случаѣ надобности, обойтись безъ переводчика или провѣрить ненадежнаго толмача? Дальнѣйшее расширеніе познаній можно предоставить желающимъ, у кого къ тому будетъ время, возможность и способности.

Участковый приставъ настолько занятъ службою, что у него почти не остается свободнаго времени; требовать отъ пристава систематическихъ занятій по языкамъ и обычному праву совершенно невозможно и лучше заблаговременно, еще до принятія на службу, требовать отъ поступающаго необходимыхъ познаній съ тѣмъ, чтобы на службѣ онъ только совершенствовался въ нихъ.

Необходимо, чтобы поступающій на службу могъ переговорить съ просителями, прочесть ихъ прошенія, написать и объявить резолюціи; онъ долженъ знать дѣйствующее Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края и относящіяся до службы законы, главнѣйшіе обычаи мѣстнаго населенія, а также основы мусульманской религіи и шаріата. Только съ такимъ запасомъ знаній можно служить и совершенствоваться въ изученіи языка и жизни народа.

Вполнѣ присоединяясь къ пожеланіямъ комиссіи объ упрощеніи дѣлопроизводства по жалобамъ туземцевъ съ тѣмъ, чтобы освободить участковыхъ приставовъ отъ безплодной работы для настоящего живого дѣла и изученія языка, необходимо замѣтить, что пожеланія эти на основаніи существующихъ законовъ не осуществимы. Въ войскахъ по дисциплинарному уставу введены градаціи рѣшающихъ инстанцій, установленъ надзоръ высшихъ за дѣйствіями низшихъ и запрещена подача жалобъ высшей инстанціи помимо низшей. Ввести такой же порядокъ для удобства работы въ народную администрацію невозможно, потому что народъ—не войско: всякому должно быть предоставлено право жаловаться кому угодно и на что угодно, а дѣло администраціи—разобрать каждую, даже самую нелѣпую, жалобу по закону.

Для уменьшенія канцелярской работы участковому приставу остается только, пользуясь знаніемъ мѣстнаго языка и обычаевъ, узнать всѣ стороны жизни вѣреннаго ему района душой войти въ эту жизнь и систематически, не торопясь, дѣлать каждое дѣло до конца, строго руководствуясь закономъ. Когда всѣ нужды народа удовлетворяются своевременно и безъ помѣхъ, когда должностныя лица туземной администраціи, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности и чувствуютъ постоянный надзоръ вполнѣ доступной народу русской власти, жалобы исчезаютъ сами собою за отсутствіемъ для нихъ благоприятной почвы.

Проектированныя комиссіей поощренія для участковыхъ приставовъ едва-ли могутъ имѣть практическое значеніе: выдающіеся труды по изученію языковъ и юридическихъ обычаевъ не по плечу простому служащему, и нельзя рассчитывать, чтобы участковый приставъ, при своей хлопотливой работѣ, могъ сдѣлать что-нибудь выдающееся въ области науки.

Намѣченная комиссіей организація областныхъ и уѣздныхъ курсовъ для изученія туземныхъ языковъ также едва-ли окажется практичною. Въ Ташкентѣ въ 1886 г. В. П. Наливкинымъ были открыты курсы для офицеровъ и чиновниковъ, желающихъ изучать туземные языки. Талантливый лекторъ два года подрядъ собиралъ до 50 чел. слушателей, обученіе языку сопровождалось и иллюстрировалось бесѣдами о туземныхъ обычаяхъ и декламаціей стиховъ, но въ концѣ cadaго семестра на курсахъ оставалось 2—3 человекъ, у остальныхъ-же не хватало терпѣнія посвящать свои досуги изученію чуждаго языка

только ради чистаго знанія. Кромѣ того, по условіямъ жизни и служебной работы въ уѣздахъ, во многихъ уѣздныхъ городахъ организація курсовъ для изученія туземныхъ языковъ окажется совершенно невозможною. Поэтому денежныя преміи и полная свобода выбора способовъ изученія требуемыхъ для полученія преміи предметовъ дадутъ болѣе ощутительные результаты, чѣмъ курсы.

Составить и издать необходимыя для изученія туземныхъ языковъ учебники и словари очень трудно и для этого необходимы значительныя денежныя средства; поэтому, пока нельзя дать желающимъ новыхъ пособій для изученія туземныхъ языковъ.

Для практической цѣли подготовки служащихъ слѣдовало бы составить совершенно оригинальный и потому вовсе не научный учебникъ, отчасти напоминающій „самоучитель“ Старчевскаго. Въ учебникѣ должны быть легко и просто изложены грамматическія правила и помѣщены только такія слова каждаго языка, которыя могутъ быть признаны жизненными, нужными. На этомъ матеріалѣ должны быть построены упражненія, которыя въ то-же время должны знакомить съ народными обычаями и мѣстной обстановкой. Тутъ же должны быть литографированные образцы письма „калямомъ“ *) разными почерками и, особенно, точныя копіи съ прошеній, писанныхъ туземцами стальнымъ перомъ, чтобы научить разбирать плохо написанныя прошенія. Такой учебникъ составить недолго, издать недорого, а для практическихъ цѣлей онъ только и можетъ пригодиться всякому, даже не особенно способному къ изученію языковъ, человѣку. Составленіе же вполне научныхъ руководствъ и словарей пусть идетъ своимъ порядкомъ.

Изъ существующихъ нынѣ руководствъ учебникъ В. П. Наливкина очень хорошъ для систематическаго изученія сартовскаго языка тѣмъ, у кого достаточно времени и кто можетъ усидчиво трудиться надъ прохожденіемъ курса по параграфамъ. Въ результатѣ должно получиться такое знаніе языка, какое мы выносимъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній по новымъ европейскимъ языкамъ. Практику нужно не такое знаніе и мало кто способенъ, даже подъ руководствомъ учителя, добросовѣстно пройти этотъ курсъ. Въ учебникѣ отсутствуетъ руко-

*) Камышевое перо.

писный шрифтъ и много словъ и выражений, рѣдко встрѣчающихся въ разговорѣ.

При словарѣ Наливкина имѣется грамматика, изложенная на 16 страницахъ; начинающимъ изученіе сартовскаго языка слѣдуетъ тщательно изучить эту грамматику, предварительныя исключивъ изъ нея, по указанію практика, мало употребительныя формы. Этой грамматики совершенно достаточно для пракческаго изученія языка. Словарь живого мѣстнаго нарѣчія составленъ очень хорошо, но изъ него можно кое-что выбросить, опять таки по указанію практически знающаго языкъ.

Для изученія письменности очень хорошъ учебникъ М. С. Андреева, а хрестоматія Наливкина (литографированная) можетъ служить отличнымъ матеріаломъ для упражненія въ чтеніи.

Съ этими книгами можно свободно изучить языкъ, при условіи, конечно, постоянной въ немъ практики.

Самоучитель З. А. Алексѣева съ приложенными къ нему „фразами“ совершенно негоденъ для изученія языка. Руководства фонъ-деръ-Берга и Торнау слишкомъ серьезны и даютъ мало матеріала для мѣстнаго примѣненія. Составленные Старчевскимъ „Переводчики“ съ разныхъ языковъ нужно запретить брать въ руки тому, кто хочетъ выучиться языку; они составлены, повидимому, полиглоттомъ, не знающимъ толкомъ ни одного языка, а потому въ нихъ масса безстыднѣйшаго вранья, и для изученія языковъ они совершенно не пригодны.

Саидъ-Расуль-Саидъ Азимовъ написалъ свое руководство для русско-туземныхъ школъ; пусть оно тамъ и останется, для практическихъ цѣлей оно негодно.

Сартовская хрестоматія Калинина составлена изъ неособенно гладкихъ переводовъ на сартовскій языкъ и значительно уступаетъ хрестоматіи Наливкина, гдѣ собраны народныя сартовскіе рассказы.

Русско-туземная газета Н. П. Остроумова издается на книжномъ языкѣ и можетъ служить матеріаломъ для чтенія только хорошо уже ознакомившемуся съ языкомъ, а не обучающемуся.

Св. Евангеліе въ переводѣ Н. П. Остроумова (изд. Библейскаго общества) надо имѣть для чтенія рядомъ съ русскимъ текстомъ, но научиться по нему языку, въ виду трудности изложенія, невозможно.

Выработанный комиссіей списокъ пособій по мусульманскому и обычному праву необходимо дополнить слѣдующими книгами:

Саблуковъ. „Свѣдѣнія о Коранѣ“; эта книга въ болѣе компактномъ видѣ даетъ всѣ свѣдѣнія, содержащіяся въ изслѣдованіяхъ Остроумова, внесенныхъ въ списокъ подъ №№ 14, 15 и 16.

В. П. Наливкинъ и М. В. Наливкина. „Очеркъ быта туземной женщины въ Ферганѣ“. Это сочиненіе классическое, премировано золотой медалью географическаго общества и непонятно, почему не попало въ списокъ. Такъ-же необходима всякому „Исторія Кокандскаго ханства“ В. П. Наливкина; оба эти изданія составляютъ библиографическую рѣдкость, но достать ихъ возможно и упомянуть слѣдуетъ.

Худабай Кустанаевъ. Очень полезная брошюрка по киргизскому обычному праву и этнографіи.

Статистическіе сборники Сыръ-Дарьинскаго комитета и справочныя книжки Самаркандской области содержатъ много интереснаго этнографическаго матеріала.

Хороши многія сочиненія студентовъ Казанской духовной академіи, помѣщенныя въ миссіонерскихъ сборникахъ; въ нихъ много необходимыхъ свѣдѣній о мусульманствѣ.

Настойчиво слѣдуетъ рекомендовать знакомство съ „Туркестанскими Вѣдомостями“ за все время ихъ изданія; на столбцахъ этого органа, были напечатаны крайне цѣнные матеріалы мѣстныхъ изслѣдователей края.

Для изученія туземнаго языка на службѣ въ тѣхъ предѣлахъ, которые намѣчены выше, нужно предоставить не меньше 3 лѣтъ; по истеченіи трехлѣтняго срока вопросъ объ удаленіи не усвоившихъ минимума требуемыхъ знаній подлежитъ обсужденію по отношенію къ каждому лицу отдѣльно, въ зависимости отъ его пригодности къ административной службѣ съ тѣмъ, чтобы рѣшить, кто намъ дорогъ и безъ языка, и къмъ можно пожертвовать въ цѣляхъ проведенія въ жизнь необходимой мѣры. Могутъ оказаться весьма полезными для службы лица, почему-либо лишеныя возможности взяться за книгу или неспособныя къ изученію языковъ вообще.

Лично мнѣ для изученія сартовскаго языка понадобилось не менѣе 3-хъ лѣтъ, при службѣ на должности участковаго пристава, между дѣломъ и при вынужденной практикѣ (у меня не было переводчика). Послѣ того я еще нѣсколько лѣтъ работалъ на досугѣ надъ изученіемъ языка прежде, чѣмъ успѣлъ освоиться съ сартовскимъ языкомъ настолько, чтобы заниматься переводами. Когда меня перевели въ уѣздъ съ киргиз-

скимъ населеніемъ, пришлось учиться новому языку; еще позже, на службѣ въ Самаркандской области, мнѣ понадобилось таджикское нарѣчіе персидскаго языка, а съ назначеніемъ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ пришлось ознакомиться съ хивинскимъ нарѣчіемъ.

Въ связи съ вопросомъ о времени, необходимомъ административному служащему на ознакомленіе съ языкомъ, возникаетъ вопросъ о количествѣ свободнаго времени у участковаго пристава вообще. Я уже указывалъ, что свободнаго времени у пристава почти нѣтъ; позволю себѣ добавить слѣдующее.

Нельзя допускать, чтобы участковый приставъ писалъ отъ 6 до 12 тысячъ бумагъ въ годъ, т. е. отъ 16 до 32 бумагъ въ день. Такъ вести дѣло нельзя, а если оно такъ идетъ, то виновать уѣздный начальникъ, допускающій такую бесплодную трату времени.

Не будемъ называть жалобы туземцевъ пренебрежительнымъ словомъ „кляуза“. Жалобы указываютъ на беспокойное состояніе населенія, какъ шумъ въ пчелиномъ роѣ въ минуту опасности. Надо устранить причины и число жалобъ уменьшится, а какъ-бы добросовѣстно. ни были написаны 12 тысячъ бумагъ, онѣ не могутъ уничтожить жалобъ и только сдѣлаютъ ихъ явленіемъ хроническимъ.

Вызывать людей для производства дознанія запрещено закономъ, — необходимо производить дознанія на мѣстѣ. По Инструкціи для производства дознаній показанія отдѣльныхъ лицъ записывать не полагается. Дознаніе должно представлять собою рассказъ о собранныхъ свѣдѣніяхъ, съ указаніемъ, отъ кого они получены.

Приставъ не можетъ самъ закончить производство по ложной, по его мнѣнію, жалобѣ, потому что на этотъ счетъ существуютъ законныя требованія, которыя необходимо исполнить. Нельзя предоставить приставу, да еще не знающему языка, право единолично прекращать дознанія. Сдѣлать пристава полнымъ хозяиномъ участка нельзя, какъ нельзя и вообще кого-бы то ни было сдѣлать хозяиномъ населенія, его жизни и благополучія.

Для облегченія работы участковаго пристава необходимо изъять изъ компетенціи администраціи статистику и гражданскія взысканія. Должны быть уѣздные статистики и судебные пристава для исполненія каждымъ своего дѣла.

Въ заключеніе позволю себѣ возразить Н. П. Остроумову.

Предлагаемая имъ для облегченія замѣна арабскаго алфавита русскимъ давно уже потерпѣла фіаско въ печатаніи книгъ для киргизъ. Всѣ книги, напечатанныя по-киргизски русскими буквами, лежатъ безъ употребленія. Зачѣмъ же повторять ошибку и допускать изображеніе звуковъ туземной рѣчи неизображающимъ ихъ алфавитомъ, когда, напр., для передачи буквы „айнь“ приходится вставлять между гласными ъ (твердый знак), а для изображенія звука, соотвѣтствующаго латинскому h, — ставить русское г. Арабскій алфавитъ необходимъ. Вначалѣ человекъ будетъ писать некрасиво и неправильно въ отношеніи орѳографій, но ни каллиграфіи, ни орѳографической правильности никому и не нужно, тѣмъ болѣе, что сами туземцы пишутъ и неправильно и безграмотно. Для пользы дѣла надо требовать отъ кандидатовъ на административныя должности умѣнья читать и писать по-сартовски, не предъявляя, конечно, къ нимъ неисполнимыхъ требованій.

Въ программу минимальныхъ знаній, требуемыхъ для полученія премій за изученіе туземныхъ языковъ, слѣдовало-бы включить не только знаніе одного (тюркскаго) или двухъ (тюркскаго и таджикскаго) нарѣчій, но и необходимыя свѣдѣнія о бытѣ, обычаяхъ, исторіи и юриспруденціи мѣстныхъ мусульманскихъ народностей, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе вызываются служебными потребностями экзаменующагося по его званію. Возможно выработать отдѣльныя программы для военнаго, администратора, юриста, чиновника финансоваго вѣдомства, педагога и пр., но въ основу каждой такой программы слѣдовало-бы положить теоретическое и практическое изученіе одного изъ мѣстныхъ нарѣчій.

Переправы черезъ рѣки.

Во многихъ мѣстахъ Туркестанскаго края экономическая жизнь мѣстнаго населенія тѣсно связана съ переправами черезъ рѣки, протекающія по районамъ, занятымъ населеніемъ, или преграждающія путь изъ одного промышленнаго района въ другой. Мало мостовъ въ Туркестанѣ и еще много переправъ примитивныхъ: каючныхъ, самолетныхъ и въ бродъ, на арбахъ. Всѣ эти примитивныя переправы представляютъ изъ себя одно сплошное неудобство и крайне затрудняютъ движеніе. Кромѣ того, такія переправы и не безопасны, и дѣйствуютъ съ перерывами, совершенно прекращая движеніе.

Особенно это замѣтно на такой большой рѣкѣ, какъ Сыръ-Дарья, на всемъ ея протяженіи. Тутъ ужъ нечего думать о переправѣ вбродъ; только на высотѣ г. Намангана рѣка допускаетъ еще арбяную переправу, а дальше внизъ приходится пользоваться переправами каючными или самолетными, если не считать построеннаго Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ деревяннаго моста у Запорожья, въ 3-хъ верстахъ отъ станціи Хилково, Средне-Азіатской жел. дор. А переправа на каюкѣ—дѣло не легкое. Рѣка постоянно мѣняетъ свой фарватеръ, на берегахъ нельзя установить опредѣленныхъ пристаней, то и дѣло приходится мѣнять мѣста отправленія и причала каюка.

Общества, въ районѣ земель которыхъ расположены переправы, обыкновенно сдаютъ право устройства переправы въ аренду частному лицу за сравнительно небольшую плату; предприниматель, конечно, стремится извлечь изъ арендованной переправы возможно большій доходъ и возможно больше сберечь изъ денегъ, собираемыхъ по таксѣ съ проѣзжающихъ. Вполнѣ понятная со стороны арендатора экономія ведетъ къ тому, что каюкъ для переправы, въ видѣ большой барки съ помостомъ, строится кое-какъ, подъемная сила каюка совершенно не сообразована съ перевозимымъ грузомъ, а приспособленія для приведенія каюка въ движеніе ограничиваются двумя неимовѣрной тяжести большими веслами и шестью для отталкиванія каюка при посадкѣ его на мель. Личный составъ экипажа, обыкновенно, два—три киргиза, взятыхъ прямо изъ степи, нанятыхъ за безцѣнокъ и вовсе не подготовленныхъ къ трудной и отвѣтственной службѣ на утломъ паромѣ.

Широка мѣстами Дарья, теченіе ея разбивается на рукава, раздѣленные островами, и переправа отнимаетъ не мало времени. Начать съ того, что прибывающіе на берегъ путешественники подходятъ къ переправѣ не сразу, не одновременно. Нельзя-же перевозить каждаго отдѣльно, или маленькими группами; это невыгодно для арендатора переправы и рабочихъ, стремящихся сдѣлать въ день поменьше рейсовъ и собрать побольше денегъ. Вотъ и приходится запастись терпѣніемъ, пока на берегу накопится достаточно людей, арбъ и животныхъ, а каюкъ еще на той сторонѣ и тоже выжидаетъ сбора переправляющихся, чтобы не плыть порожнемъ.

Все это сравнительно ничего при тихой погодѣ и малой водѣ. Уходитъ время, но все-таки есть надежда переправиться

и опасности мало. Каюкъ, не торопясь, затаскиваютъ высоко по берегу, отъ котораго отчаливаютъ, причеъ весь экипажъ парома, какъ бурлаки, идетъ по берегу и медленно тянетъ каюкъ за веревку; потомъ производится погрузка переправляющихся, занимающая также не мало времени, а затѣмъ остается пустить каюкъ по теченію и усиленно грести тяжелыми веслами. Правда, не всегда переправа идетъ гладко, часто каюкъ совершенно неожиданно садится на мель, и его вожатымъ приходится не только отталкиваться длинными шестами, но и слѣзать въ воду, не разбирая ея температуры. Такъ или иначе, каюкъ подходитъ къ противоположному берегу, и въ худшемъ случаѣ его можетъ только пронести теченіемъ мимо пристани внизъ. Тогда снова приходится, идя по берегу съ бичевой, подтягивать нагруженный каюкъ вверхъ по теченію къ пристани, чтобы переѣзжающіе могли выбраться на берегъ.

Гораздо хуже, когда рѣка въ половодьи или поднимется сильный вѣтеръ. Тогда каюкъ не всегда можетъ отчалить отъ противоположнаго берега, чтобы принять пассажировъ, ожидающихъ его на этомъ берегу, а самое плаваніе по рѣкѣ становится весьма опаснымъ. Бываютъ случаи, когда низовый вѣтеръ не пускаетъ каюкъ по теченію, несмотря на всѣ усилія гребцовъ, да и перевернуться каюкъ можетъ легко при волненіи. особенно, если нагрузка парома не очень равномерна.

Всѣ эти мытарства приходится испытывать бѣдному люду; переправляющимся вовсе не все равно, когда имъ удастся переѣхать на противоположный берегъ, особенно, если дѣло идетъ къ вечеру, а ауль или кишлакъ, куда они ѣдутъ, въ такомъ отдаленіи отъ переправы, что только поздно ночью можно попасть домой, или ѣдущіе на базаръ рискуютъ добраться туда такъ поздно, что у нихъ уже не купятъ въ этотъ день привезенныхъ ими продуктовъ. И за все это приходится еще платить арендатору переправы.

Такса за переправу утверждена администраціей; при утвержденіи таксы она тщательно разсматривалась, чтобы плата за перевозъ не была слишкомъ высока, при чемъ имѣлось въ виду не дать въ обиду переѣзжающихъ, не дать слишкомъ нажить арендатору переправы или обществу, сдающему переправу въ аренду.

Однако, вообще, рѣдко что-либо хорошее достается дешево, и если бы спросить тѣхъ, кому часто приходится пользоваться допотопными переправами, можно съ увѣренностью

сказать, что они согласились-бы платить за переправу немного дороже, только-бы не испытывать теперешнихъ неудобствъ. Такия сѣтованія именно на дешевизну переправъ (при современномъ ихъ устройствѣ) случалось выслушивать неоднократно отъ самыхъ бѣдныхъ и потому, можетъ быть, больше другихъ страдающихъ на переправѣ людей.

Несмотря на сравнительно дешевую плату по таксѣ за переправу, общества получаютъ отъ арендаторовъ паромныхъ переправъ довольно порядочныя деньги, которыя поступаютъ въ такъ называемыя мірскія суммы, никого рѣшительно не устраивая и слабо поддаваясь контролю.

Нельзя, конечно, требовать отъ правительства, нельзя возлагать на земскія средства значительные расходы на постройку мостовъ черезъ рѣки вездѣ, гдѣ они нужны, но почему-бы не подойти къ осуществленію этой завѣтной мечты всѣхъ пользующихся нынѣшними неудобными переправами, наложивъ veto на собираемыя по таксѣ деньги за переправы. Таксу за переправы можно нѣсколько повысить, хотя бы до размѣра таксы, примѣнявшейся въ теченіе 30 лѣтъ на ходжентскомъ мосту черезъ Сыръ-Дарью, выстроенномъ и арендованномъ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Флавицкимъ. Деньги-же, собираемыя за переправы, слѣдовало-бы изъять изъ распоряженія обществъ, во власти которыхъ нынѣ случайно очутились переправы, и обратить исключительно на улучшеніе самыхъ переправъ.

Накопивъ нѣкоторую сумму, вмѣсто каючной переправы можно было-бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставить самолеты на канатахъ, съ постоянными пристанями (такой самолетъ есть въ Ходжентѣ), а дальше можно было-бы подумать и о замѣнѣ нынѣшнихъ неудобныхъ переправъ постоянными мостами.

Такимъ образомъ переправы могли-бы сами себя улучшать и черезъ нѣкоторый промежутокъ времени мы, вмѣсто каючныхъ переправъ, обзавелись-бы мостами на счетъ тѣхъ лицъ, которымъ такъ много горя причиняютъ нынѣ допотопныя переправы черезъ наши рѣки.

Кромѣ того крайне необходимо было-бы дозволить постройку мостовъ всякому частному лицу, обществу или учрежденію съ правомъ взимать плату за переходъ по мосту по утвержденной таксѣ до тѣхъ поръ, пока сдѣланныя на постройку моста затраты не возвратятся предпринимателю и мостъ не перейдетъ въ собственность общества.

Когда постройка моста окупится, тогда придется оставить

небольшую плату за переходъ по мосту на содержаніе его въ исправности, потому что мы знаемъ случай разборки моста за отсутствіемъ средствъ на ремонтірованіе его.

Дороговизны бояться нечего, надо дать просторъ частной инициативѣ и добиться замѣны нынѣшнихъ скверныхъ переправъ желѣзными мостами; тогда только населеніе не будетъ испытывать затрудненій при передвиженіи по путямъ, перерѣзаннымъ рѣками.

Сбереженіе весенней воды.

Въ одномъ изъ отчетовъ переселенческаго управленія по ирригаціоннымъ работамъ въ переселенческомъ районѣ Ходжентскаго уѣзда *) было сдѣлано указаніе на запруду около Чиназа для сбереженія воды, непроизводительно спадающей въ Сыръ-Дарью изъ арыка Босу. Это указаніе заслуживаетъ большого вниманія, какъ едва ли не первый опытъ гидротехническихъ работъ, направленныхъ къ сбереженію воды и использованію такой „бросовой“ влаги для орошенія новыхъ площадей. Проектированную г. Елистратовымъ работу я считаю первою въ краѣ, потому что запруда, сдѣланная Н. К. Калмаковымъ около г. Туркестана, насколько мнѣ извѣстно, не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Въ краѣ найдется не мало мѣстъ, гдѣ оросительная вода непроизводительно сбрасывается въ большія рѣки, а еще того больше мѣстъ, гдѣ съ помощью гидротехническихъ сооружений вполне возможно взять въ руки снѣговую и силевую воду и, вмѣсто стихійнаго разрушенія, обратить эту воду на плавное и своевременное орошеніе посявовъ.

Для Ходжентскаго уѣзда развитіе работъ по устройству запрудъ и шлюзовъ имѣетъ особенно важное значеніе, потому что территорія уѣзда имѣетъ общій уклонъ съ юга на сѣверъ и всѣ земли орошаются главнымъ образомъ горными рѣчками. Потоки эти въ своемъ натуральномъ видѣ весьма неудобны для орошенія и непригодность руслъ этихъ рѣчекъ доставляетъ не мало хлопотъ населенію, пользующемуся изъ нихъ оросительной водой.

Каждая рѣчка много лѣтъ тому назадъ выбрала направленіе наименьшаго сопротивленія или наибольшаго уклона и по-

*) См. „Туркестанскія Вѣдомости“ за 1907 г. №№ 37 и 38.

степенно разрушила водой почву на своемъ пути. По теченію рѣчки образовался „сай“, или глубокой оврагъ, съ частью отвѣсными, частью пологими берегами. Снѣговья воды, стекая въ рѣчку съ боковыхъ бережныхъ уваловъ, вырыли для себя сточныя русла въ видѣ овраговъ и размыли при этомъ не мало площадей, вполне годныхъ для земледѣлія. Эта разрушительная работа воды въ значительной мѣрѣ сократила общую площадь земель, которыя могли-бы быть использованы подъ ирригаціонныя или богарныя посѣвы. Во многихъ мѣстахъ отвѣсныя осыпи по берегамъ овраговъ содержатъ въ себѣ мощный слой теперь никому ненужнаго леса.

Вода работала здѣсь такъ только потому, что за ней не смотрѣли, не парализовали вредное ея дѣйствіе. Для этого у прежнихъ хозяевъ этой земли не было ни средствъ, ни надобности. Средствъ не было потому, что всѣ оросительныя работы стараго времени велись исключительно эмпирически во многихъ мѣстахъ наугадъ, вездѣ съ громадной излишней затратой подневольнаго труда населенія, которое славобивые правители высылали на работы тысячами, нисколько не заботясь о томъ, во что обходятся населенію ихъ грандіозныя, но недостаточно обоснованныя, гидротехническія сооруженія. Надобности не было потому, что населеніе было рѣдкое, потребности были слабо развиты и орошаемыхъ площадей было совершенно достаточно для земледѣлія того времени. Честь и слава, конечно, тѣмъ деспотамъ востока, которые сумѣли провести всѣ существующіе въ краѣ ирригаціонныя каналы. Ихъ инициатива и настойчивость заслуживаютъ и въ наше время восхищенія, но приходится все-таки пожалѣть, что первоначальные устроители оросительныхъ системъ не могли предотвратить вредныхъ послѣдствій проведенія воды простѣйшими способами.

Что не было сдѣлано раньше, необходимо постараться сдѣлать теперь, когда въ нашихъ рукахъ имѣются всѣ средства къ производству научно обоснованныхъ гидротехническихъ работъ и когда совершенно опредѣленно сказалась необходимость упорядоченія нашего воднаго хозяйства, чтобы не только не терпѣть далѣе вреда отъ стихійной разрушительной работы воды, но и воспользоваться каждой каплей влаги для орошенія.

Земли Ходжентскаго уѣзда—сплошь культурныя и годныя по климатическимъ условіямъ къ воздѣлыванію самыхъ цѣн-

ныхъ растений. Цѣны на земли здѣсь очень высоки; такъ, на-примѣръ, десятина земли въ прилегающей къ городу Ходженту Унджинской волости стоитъ 8000 рублей. Между тѣмъ развитіе культуры въ настоящее время ограничено крайне недостаточнымъ орошеніемъ.

Если-бы было достаточно воды, можно было-бы утроить площадь посѣвныхъ земель и годныя для культуры площади старицею вознаградили-бы произведенныя на оросительныя работы затраты.

Чтобы не быть голословнымъ и сдѣлать понятнымъ каждому мѣстную нужду въ оросительной водѣ, позволю себѣ привести наиболѣе убѣдительный примѣръ этого стѣсненнаго водопользованія.

Городъ Ходжентъ, Унджинская, Гулякандозская и Костакоская волости ведутъ интенсивное сельское хозяйство на земляхъ, орошаемыхъ водою рѣчки Ходжа-Бакырганъ-сай. Вполнѣ цѣлесообразно устроенными каналами, съ вододѣлителями въ видѣ такъ называемыхъ „кубуръ“ (деревянныхъ желобовъ), вода берется изъ рѣчки и разводится на земли всѣхъ участвующихъ въ этой системѣ населенныхъ пунктовъ восточной части Ходжентскаго уѣзда.

Распредѣленіе воды, установленное вѣковымъ обычаемъ и исправленное трудами инженеровъ, въ этой мѣстности не оставляетъ желать лучшаго, но самое умѣлое распредѣленіе не въ состояніи увеличить недостаточнаго по количеству земель притока воды.

При самомъ тщательномъ дѣленіи оросительной воды по Ходжентскому району для поддержанія цѣнныхъ культуръ риса, хлопчатника, винограда, джугары *), клевера и плодовыхъ садовъ, земледѣльцамъ приходится испытывать всѣ неудобства неумолимой очереди водопользованія. Очередь водопользованія неудобна не только потому, что не всегда въ рукахъ хозяина есть оросительная вода,—съ этимъ еще можно было-бы мириться, толково чередуя дни пользованія водою, въ зависимости отъ нужды въ орошеніи. При водопользованіи поочередно ни подъ какимъ видомъ невозможно развивать культуру, расширять посѣвную площадь, а между тѣмъ, желаніе расширить культурную площадь присуще каждому хозяину, въ особенности,

*) Сахарное сорго.

если хозяйство, какъ здѣсь, достигло уже интенсивнаго состоянія и приноситъ значительныя выгоды.

Очередь водопользованія изъ рѣки Ходжа-Бакырганъ-сай установлена только для трехъ мѣсяцевъ въ году, но эти то три мѣсяца наиболѣе важны для сельскаго хозяйства. Съ 1 июня по 1 марта слѣдующаго года вода изъ рѣчки разбирается всѣми желающими безъ всякой очереди, а съ 1 марта наступаетъ очередное водопользованіе на слѣдующихъ основаніяхъ: съ 1 по 14 марта вода дается городу Ходженту и Унджинской волости; съ 15 по 31 марта—Гулякандозской и Костакозской волостямъ; далѣе снова очередь Ходжента и Унджинской волости—съ 1 по 10 апрѣля, и двухъ другихъ волостей съ 10 по 30 апрѣля; въ маѣ Ходжентъ и Унджинская волость имѣютъ воду съ 1 по 8 и съ 22 по 31 число, а съ 9 по 22 мая водой пользуются Гулякандозская и Костакозская волости. Такимъ образомъ изъ трехмѣсячнаго лѣтняго періода 40 дней водопользованія принадлежатъ городу Ходженту и Унджинской волости и 50 дней Гулякандозской и Костакозской волостямъ.

При соблюденіи этой основной очереди, вода дѣлится между отдѣльными селеніями, а въ селеніяхъ—между отдѣльными хозяевами. Дѣленіе производится съ педантическою аккуратностью, потому что только вода и даетъ цѣну землѣ.

Для нуждъ русской части города Ходжента, ежедневно, безъ всякой очереди, дается три „тигирмана“ *) воды на поливку садовъ и улицъ. Излишки воды отъ очереднаго пользованія, если они оказываются въ обильные влагой года, арыкъ-аксакаль распредѣляетъ по мѣрѣ необходимости. Въ безводные дни въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года болѣе другихъ жаловались на недостатокъ воды жители селеній Руманъ и Пули чукуръ, расположенныхъ невдалекѣ отъ города Ходжента, и ихъ требованія, по мѣрѣ возможности, удовлетворялись.

Такимъ образомъ, Ходжентскій раіонъ испытываетъ весьма существенныя затрудненія изъ-за недостатка воды и мѣстные жители не только не могутъ думать о расширеніи посѣвной площади, но должны постоянно опасаться и за воздѣланные участки, какъ-бы не засушить посѣвовъ.

Между тѣмъ, многоводная горная рѣчка Ходжа-Бакырганъ-сай, берущая начало изъ отроговъ окаймляющаго уѣздъ съ

*) Обычная мѣра воды, равная струѣ, способной привести въ движеніе туземную мельницу мутовку.

юга Туркестанскаго хребта, несетъ свои мутныя воды по громадному оврагу, вырытому въ сплошномъ пластѣ конгломерата, прикрытаго толстымъ слоемъ леса. Такъ какъ, кромѣ ключей, питающихъ рѣчку въ верховьяхъ, въ нее подаютъ воду и ледники, и горныя снѣга, и весенніе дожди, то она служитъ стокомъ и для силевыхъ водъ, для паводковъ.

Ежегодно весною начинается дружное таяніе снѣга и по Ходжа-Бакырганъ-саю валомъ идетъ мутная вода, уносящая съ собою массу смытаго съ горъ леса, обломки деревянныхъ сучьевъ, корни и стебли отмытыхъ отъ почвы растений. При выходѣ изъ узкихъ горныхъ ущелій, рѣчка на своемъ пути встрѣчаетъ слабыя гидравлическія сооруженія, сдѣланныя руками мѣстныхъ земледѣльцевъ, и бурному потоку ничего не стоитъ мигомъ покончить съ этими незначительными преградами.

Рѣчка несетъ съ собою камни, которыми засоряетъ приготовленныя для посѣва площади, рветъ примитивно построенныя головы арыковъ, въ щепки разноситъ кое-гдѣ перекинутые мосты. Разрушая все на пути и ничего не созидая, силевой водяной валъ катится по рѣчкѣ, въ большую рѣку Сыръ-Дарью, гдѣ въ это время тоже очень много воды.

Вода въ это время никому не нужна, и всякій опасается обилія воды въ силевомъ потокѣ, чтобы не пострадали отъ ея дикаго разгула площади, съ большимъ трудомъ приготовленныя для посѣвовъ. А пройдетъ мѣсяць-другой, и та же безъ пользы прошедшая мимо полей вода становится нужной для земледѣльца, ее начинаютъ цѣнить на вѣсь золота, стараясь использовать каждую ея каплю. Благоразумно-ли такъ систематически растрчивать водныя богатства, такъ легкомысленно подрывать свое благосостояніе?

Запасъ воды въ нашихъ горныхъ рѣчкахъ составляетъ необходимый во всякомъ предпріятіи неприкосновенный фондъ, запасный капиталъ, которымъ можно воспользоваться въ минуту скудости. Необходимо только твердо увѣриться въ томъ, что мы не вправѣ равнодушно наблюдать ежегодно происходящее явленіе природы и не воспользоваться имъ для цѣлей сельскаго хозяйства.

Наши земледѣльцы, мѣстные жители, отлично понимаютъ, что хорошо было-бы воспользоваться для орошенія бесполезно протекающей водой, но у нихъ руки коротки: они не обладаютъ ни знаніями, ни средствами. Кромѣ того, народъ, какъ цѣлое, не

способенъ сговориться, чтобы сообща приняться за грандіозное предпріятіе, требующее большихъ затратъ.

Казалось-бы, живя у рѣки, какъ мы, въ Ходжентскомъ раіонѣ, легко поставить на рѣкѣ турбину и вывести извѣстное количество воды для орошенія пустующихъ нынѣ, но вполне пригодныхъ для культуры земель. Однако, сдѣланное въ 1903 году агрономомъ Б. М. Шахъ-Назаровымъ предложеніе до сихъ поръ не осуществлено: не находится желающихъ затратить нѣкоторую сумму для оборудованія машинъ. Нѣтъ примѣра, который, безъ всякихъ объясненій, своей очевидной прибыльностью увлекъ-бы нашихъ скептиковъ-туземцевъ, очень трудно свыкающихся со всякимъ нововведеніемъ, больше жизни дорожащихъ дѣдовскимъ обычаемъ, который они называютъ „раемъ“ или „таамуль“.

Нашимъ инженерамъ-гидравликамъ необходимо возможно скорѣе обратить вниманіе на сбереженіе и использование значительнаго количества воды, нынѣ бесполезно увеличивающей собою большія рѣки, а по пути къ нимъ приносящей населенію только одни убытки. Въ рукахъ инженеровъ имѣются точныя научныя данныя, для инженерной науки нѣтъ непреодолимыхъ преградъ, а необходимыя денежныя средства могутъ быть найдены тѣмъ или другимъ путемъ. Стоитъ только сберечь извѣстное количество воды въ то время, когда она никому не нужна, когда она не въ цѣнѣ, и ее можно потомъ продать, какъ всякій товаръ, въ то время, когда цѣна на воду значительно возрастетъ.

Нельзя не пожелать, чтобы знатоки воднаго дѣла примѣнили свои знанія въ Ходжентскомъ уѣздѣ, гдѣ и вода, и земля дороги, гдѣ при интенсивной культурѣ можно быстро окупить даже значительныя затраты на ирригаціонныя сооруженія. Ходжентскій уѣздъ представляетъ обширное поле для нововведеній въ ирригаціонномъ дѣлѣ, а мѣстное населеніе ждетъ только почина со стороны представителей русской науки, чтобы заняться, какъ слѣдуетъ, улучшеніемъ своего орошенія *).

*) Со времени написанія этой статьи прошло всего 8 лѣтъ, а теперь уже существуетъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ нѣсколько оросительныхъ предпріятій по добычѣ машинами воды изъ р. Сыръ-Дарьи. Починъ въ этомъ полезномъ дѣлѣ принадлежитъ инженеръ-технологу А. А. Рудинскому, оросившему насосами 500 дес. въ ур. Сары-Тугай. въ 8 в. отъ Ходжента.

Мертвый городъ.

Ходженту не повезло при проведеніи мимо него Средне-Азіатской желѣзной дороги, но ему еще болѣе не повезло раньше при разбивкѣ и основаніи русской части городского поселенія.

Послѣ взятія Ходжента русскими войсками, завоеватели выбрали для основанія русскаго города прирѣчную полосу на лѣвомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи и воспользовались готовою кокандскою крѣпостью, какъ опорнымъ пунктомъ для охраны города съ сѣвера. Широкая рѣка и красивое мѣстоположеніе играли, вѣроятно, не послѣднюю роль въ выборѣ мѣста, а между тѣмъ русская часть города сразу осуждена была на тѣсноту, такъ какъ занятая ею площадь ограничена теченіемъ рѣки съ одной и туземнымъ городомъ съ другой стороны.

На первыхъ порахъ тѣснота не была особенно замѣтна главнымъ образомъ потому, что желающихъ поселиться надолго во вновь завоеванномъ городѣ было немного, а для казенныхъ зданій мѣста было вдоволь. Построили казенныя зданія, роздали небольшія (около 100 кв. с.) мѣста отставнымъ солдатамъ для постройки домовъ и первая насущная потребность горожанъ была удовлетворена.

Вскорѣ, однако, оказалось, что обычный уровень воды въ рѣкѣ является весьма непостояннымъ, вслѣдствіе чего въ половодье расположенныя на набережной дворы заливались, а во всѣхъ дворахъ выступала близко къ поверхности стоящая подпочвенная вода и открывались новые родники подъ полами обывательскихъ квартиръ. Неожиданно обнаружившееся неудобство скоро заставило подумать о переносѣ расположенныхъ на берегу зданій въ болѣе возвышенныя мѣста, что звало не мало хлопотъ.

Покинула казармы стоявшая въ Ходжентѣ 3-я батарея туркестанской артиллерійской бригады, перенесли повыше зданія военнаго лазарета и только домъ, отведенный подъ квартиру начальника уѣзда, довольно долго оставался на берегу рѣки, какъ будто выжидая, когда-же, наконецъ, его размочетъ окончательно. Въ концѣ концовъ домъ уѣзднаго начальника былъ размытъ и пришлось перенести его въ середину города, подалеже отъ рѣки.

Мѣста въ срединѣ города было такъ мало, что пришлось

занять единственную свободную площадку, гдѣ теперь довольно тѣсно расположены зданіе канцеляріи уѣзднаго начальника, его квартира и скверъ. Зданія построены прекрасныя, просторныя, свѣтлыя съ хорошо расположенными большими комнатами.

Войсковыя зданія тоже весьма тѣсно расположились внутри крѣпости; здѣсь-же до 1904 года расположено было въ очень старомъ домѣ и уѣздное казначейство. Ни одного выдающагося по архитектурѣ зданія въ крѣпости нѣтъ и многія значительно обветшали, какъ, напр., тѣсный лабиринтъ зданій, занятыхъ нынѣ тюрьмой. Тюрьма занимаетъ особый дворъ, но удивительно, какъ до сихъ поръ не признали еще совершенно неподходящими всѣ постройки этого мѣста заключенія. Камеры тѣсны, стѣны вывѣтрившись, а про квартиру начальника тюрьмы и говорить нечего,—она находится гдѣ-то въ самомъ дальнемъ углу двора и только крайняя нужда можетъ заставить ютиться съ семьей въ двухъ маленькихъ комнаткахъ безъ свѣта и безъ воздуха.

Итакъ, въ русской части Ходжента почти нѣтъ хорошихъ домовъ, а горожане-домохозяева лишены возможности сколько-нибудь улучшить и расширить свои дома за недостаткомъ мѣста; большинство только въ крайности подмазываетъ свои мазанки, дѣлая въ нихъ такъ называемый мелкій ремонтъ.

Городъ не въ состояніи прийти на помощь обывателямъ, потому что свободныхъ городскихъ земель въ районѣ русской части города нѣтъ совсѣмъ, а значительная часть русскаго квартала занята старинными мусульманскими кладбищами.

Подъ кладбищами пропадаетъ даромъ большая площадь, но, конечно, воспользоваться ею для расширенія города невозможно: и безъ того во дворахъ многихъ нынѣ существующихъ домовъ то и дѣло находятъ кости, указывающія на прежде бывшія здѣсь могилы.

Если сопоставить кладбищенское происхожденіе территоріи русскаго города съ постоянно колеблющимся уровнемъ подпочвенныхъ водъ и массой родниковъ, станетъ понятно, сколь опасна въ санитарномъ отношеніи занятая городомъ площадь.

Мертвымъ приходится считать русскій Ходжентъ потому, что онъ дальше развиваться не можетъ. Не имѣетъ будущаго русская часть города, пока она будетъ находиться между рѣкой и туземнымъ городамъ, во много разъ превосходящимъ ее и по территоріи, и по значенію, и по количеству населенія.

Всякому, кто побывалъ въ Ходжентѣ, невольно приходитъ

на мысль, что во всѣхъ отношеніяхъ было-бы удобно и выгодно перенести русскую часть города на другое мѣсто и сдѣлать это, какъ можно скорѣе, чтобы дать возможность русскимъ людямъ образовать поселеніе, способное къ развитію въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ и обезпеченное отъ разливовъ рѣки.

Мѣсто новаго города опредѣляется само собою положеніемъ желѣзно-дорожной станціи, гдѣ уже положено начало русскаго поселенія въ видѣ станціоннаго городка, красиво-разбитаго, умѣло засаженнаго деревьями и кустарниками съ отличнымъ проточнымъ прудомъ. Здѣсь, бокъ-о-бокъ со службами желѣзно-дорожной станціи, слѣдовало-бы расположить и русскую часть города, перенеся сюда необходимыя зданія изъ стараго, неудобнаго во всѣхъ отношеніяхъ русскаго квартала.

Близость желѣзной дороги, сухое ровное на галечной подпочвѣ мѣсто и необъятный просторъ для разбивки города, — вотъ неоспоримыя преимущества предлагаемаго мѣста. Построенный близъ вокзала городъ въ санитарномъ отношеніи не имѣлъ-бы себѣ равнаго въ Туркестанскомъ краѣ, потому что твердый грунтъ дѣлаетъ загрязненіе почвы невозможнымъ, а сравнительная трудность разведенія здѣсь деревьевъ надолго обезпечила бы новый городъ отъ чрезмѣрной тѣни, такъ много вредящей здоровью горожанъ Ташкента.

Могутъ возразить, что переносъ города—дѣло нелегкое, и главнымъ образомъ сошлутся на убытки отъ переноса казенныхъ зданій. Въ данномъ случаѣ возраженіе это не особенно сильно, потому что хорошихъ, вполне исправныхъ зданій въ городѣ, въ сущности, только два, а эти зданія съ пользой могутъ быть отведены подъ помѣщеніе лечебныхъ заведеній туземнаго города, ютящихся нынѣ въ плохихъ квартирахъ; что-же касается расхода на переносъ зданій, то расходы эти съ лихвой пополнились-бы продажей туземцамъ городскихъ участковъ изъ-подъ переносимыхъ на новое мѣсто построекъ и самихъ зданій.

Туземцы Ходжента тоже стѣснены въ густо населенной части города и, не будучи особенно требовательны, охотно раскупаютъ земли, отдѣляющія ихъ отъ рѣки. Такимъ образомъ, и въ денежномъ отношеніи переносъ Ходжента къ вокзалу не можетъ вызвать серьезныхъ затрудненій.

Народный судъ и самоуправленіе.

К а з и.

(Народные судьи осѣдлаго населенія Туркестана).

Со времени присоединенія къ Россіи обширной территоріи Туркестанскаго края протекло достаточно времени для того, чтобы русская гражданственность, гуманная стремленія правительства и самая жизнь русскихъ людей бокъ-о-бокъ съ туземцами-аборигенами края оказали на мѣстное туземное населеніе вліяніе сильное и замѣтное. Все въ Туркестанѣ перемѣнилось со времени его завоеванія; не избѣжалъ общей участи и народный судъ нашихъ туземцевъ, но для него еще не наступило время коренныхъ реформъ и потому намъ кажется не безполезнымъ изложить тѣ свѣдѣнія о народномъ судѣ, какія намъ удалось собрать за нѣсколько лѣтъ жизни въ Старомъ Ташкентѣ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ туземцами и ихъ народными судьями. Собранныя свѣдѣнія неполны и отрывочны, юристъ по спеціальности можетъ найти нѣкоторыя стороны обстановки народнаго суда недостаточно выясненными или неправильно освѣщенными, но и предлагаемая читателю свѣдѣнія помогутъ всякому интересующемуся этимъ вопросомъ выяснить значеніе народнаго суда для туземцевъ и познакомиться съ туземнымъ правосудіемъ. Русской администраціи, русской прокуратурѣ такъ мало приходится сталкиваться съ дѣятельностью народныхъ судей, что многіе, самые важные вопросы въ этой области народной жизни заслоняются другими явленіями, не имѣющими прямой связи съ отправленіемъ правосудія; между тѣмъ, сфера дѣятельности народнаго суда настолько обширна, что подробное, всестороннее изученіе ея является дѣломъ первостепенной важности.

Какъ сказано выше, всѣ собранныя въ предлагаемомъ очеркѣ свѣдѣнія относятся къ туземной части города Ташкента, гдѣ, рядомъ съ значительно меньшимъ по числу населенія рус-

скимъ центромъ Туркестана, живетъ 125-ти тысячное туземное населеніе, состоящее исключительно изъ сартовъ; несмотря на это, весьма многія стороны обстановки народного суда могутъ быть признаны типичными и вообще для народного суда осѣдлаго населенія въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана. Законы о народномъ судѣ одни и тѣ-же, прошлое суда и основы мусульманскаго права общи для всѣхъ народныхъ судовъ, а потому, основываясь на данныхъ для Ташкента, можно, не рискуя впасть въ грубую ошибку, судить и о прочихъ судахъ осѣдлаго населенія.

Существующій въ настоящее время у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана народный судъ смѣнилъ существовавшій ранѣе при мусульманскомъ владычествѣ судъ казіевъ. Гуманныя стремленія завоевателей повлекли за собою съ одной стороны ограниченіе компетенціи прежняго суда казіевъ, при чемъ болѣе важныя преступленія были подчинены юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, а съ другой — совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній, отсѣченія рукъ и ногъ, наконецъ, смертной казни по приговору казіевъ.

Во времена мусульманскаго владычества въ рукахъ казія, какъ представителя правосудія, находилось право жизни и смерти надъ каждымъ изъ подданныхъ мусульманскаго государя; поэтому только достойные люди могли имѣть нравственное и законное право занять отвѣтственную должность казія, а мусульманскій правитель той, или другой области, задолго до назначенія кого-либо на должность казія, тщательно знакомился съ личностью предположеннаго кандидата, чтобы выяснить, соотвѣтствуетъ-ли онъ всѣмъ требованіямъ.

По мнѣнію мусульманскихъ законовѣдovъ, казіемъ можетъ быть всякій, кто свободенъ, здоровъ, совершеннолѣтенъ, исповѣдуетъ исламъ и въ своемъ прошломъ не имѣетъ позорящихъ чловѣка проступковъ, напр., не былъ обвиненъ въ клеветѣ. Само собою разумѣется, что въ государствѣ было очень много лицъ, удовлетворявшихъ всѣмъ этимъ условіямъ, а потому правитель долженъ былъ приложить не мало старанія, чтобы изъ лицъ, правоспособныхъ по закону, избрать на должность судьи чловѣка, наиболѣе заслуживающаго довѣрія и способнаго къ исполненію сложныхъ обязанностей блюстителя правосудія.

Хотя шаріатъ и допускаетъ, въ случаѣ необходимости, назначеніе на должность казія лицъ, не свѣдущихъ въ шаріатѣ,

такъ какъ казіи можетъ постановить справедливое рѣшеніе и на основаніи мнѣнія другихъ, свѣдущихъ лицъ, но, на практикѣ, выборъ въ большинствѣ случаевъ падалъ на одного изъ мѣстныхъ знатоковъ шаріата, заслужившаго во мнѣнии своихъ согражданъ популярность своею ученостью, при всѣхъ другихъ необходимыхъ казію достоинствахъ.

Зрѣло обдумавъ и посовѣтовавшись съ высшими представителями духовной и свѣтской власти, правитель, наконецъ, останавливалъ свой выборъ на одномъ изъ кандидатовъ и предлагалъ ему занять должность казія.

Шаріатъ положительно запрещаетъ кому бы то ни было добиваться назначенія на должность казія; одно желаніе достичь этой высокой степени власти уже является, по мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ, преступленіемъ. Самые строгіе изъ толкователей шаріата находятъ даже, что непристойно принимать на себя и по назначенію исполненіе обязанностей казія, если избранный соглашается принять должность добровольно, безъ принужденія. Въ данномъ случаѣ, главнымъ доводомъ служатъ слова Мухаммада, который сказалъ: „кто назначается казіемъ, терпитъ такое-же мученіе, какъ и животное, горло котораго рѣжется тупымъ, а не острымъ ножомъ“. Въ виду этого правила, наиболѣе популярный среди туземцевъ Туркестанскаго края законовѣдъ Имамъ-Акзамъ, или Абу-Ханифа, основатель правовѣрной секты ханифитовъ суннитскаго толка, когда ему предложили занять должность казія, долго отказывался, говоря: „я лучше готовъ переплыть море“; за это Имамъ-Акзамъ, по приказанію Гарунъ-ар-Рашида, былъ наказанъ 90 ударами и умеръ въ тюрьмѣ.

Понятно, что при строгомъ выборѣ кандидатовъ назначенный на должность казія пріобрѣталъ на глазахъ народа большое значеніе, являлся въ полномъ смыслѣ слова высшимъ представителемъ правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи всецѣло обязанъ правителю высокой честью, которой онъ удостоился, вновь назначенный казіи становился первымъ и усерднымъ слугою главы государства, направляя всѣ свои усилія къ тому, чтобы оправдать на дѣлѣ оказанное ему высокое довѣріе, и стараясь въ своихъ рѣшеніяхъ руководствоваться исключительно указаніями шаріата. Дѣятельность казія распространялась по преимуществу на разрѣшеніе разнаго рода денежныхъ и имущественныхъ споровъ между тяжущимися: къ повседневной жизни гражданъ казіи имѣлъ мало отношенія, охраненіе же

общественной тишины и спокойствія, а также надзоръ за нравственностью народа и строгимъ исполненіемъ обязанностей религіозныхъ были возложены на другихъ должностныхъ лицъ (раиса, мухтасиба).

Роль казія въ судебномъ процессѣ, въ сущности, сводилась къ исполненію обязанностей посредника, такъ какъ стороны, приходя на судъ, запасались такъ называемыми „риваятами“, или справками изъ книгъ шаріата, составленными мѣстными знатоками мусульманскаго кодекса. Каждый изъ тяжущихся старался поручить составленіе риваята для себя лучшему законовѣду и тотъ, кто брался за это дѣло, прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы извлечь изъ юридическихъ трактатовъ и толкованій побольше самыхъ убѣдительныхъ цитатъ, доказывающихъ правоту кліента, имѣвшаго представить риваятъ казію. Противная сторона также точно заботилась о возможно большей убѣдительности своего риваята и такимъ образомъ передъ судомъ казія выступали тяжущіеся съ самыми подробными справками изъ закона. Казій обязанъ былъ предложить представленныя ему риваяты на обсужденіе состоявшихъ при немъ „ааямовъ“ (совѣтниковъ) и, выслушавъ ихъ мнѣнія, а также ознакомившись съ объясненіями тяжущихся и представленными документами, казія постановлялъ рѣшеніе на основаніи внутренняго своего убѣжденія.

Рѣшеніе казія было окончательнымъ, никакой высшей судебной инстанціи не существовало, но за то каждый, испытавшій на себѣ несправедливость казія, могъ найти себѣ защиту предъ лицомъ представителя административной власти—бека или хана.

Иногда несправедливость или судебная ошибка казія влекла за собой пересмотръ дѣла въ присутствіи бека при участіи мѣстныхъ законовѣдовъ, въ болѣе же важныхъ случаяхъ и при обнаруженіи со стороны казія пристрастія или корысти, неправоудіе вызывало немедленную смѣну казія или даже изгнаніе его съ конфискаціею его имущества.

Несмотря на осторожность при назначеніи, несмотря на страхъ кары за неправый судъ, казіи, конечно, и при мусульманскомъ режимѣ не были безупречны. Человѣческія слабости, присущія и этимъ стражамъ законности, оказывали свое вѣчное и неизмѣнное вліяніе на рѣшенія казіевъ, но во всякомъ случаѣ можно было поручиться за преданность такихъ казіевъ тому правительству, волею котораго они были поставлены судить народъ. Въ такомъ положеніи застало народный судъ присоединеніе Туркестана къ Россіи.

Русскій законъ предоставилъ туземцамъ выбирать себѣ народныхъ судей по своему усмотрѣнію, ограничивъ это право лишь требованіемъ, чтобы въ народные судьи избирались „жители волости, пользующіеся уваженіемъ и довѣріемъ народа, не подвергавшіеся по приговору суда наказаніямъ, превышающимъ семидневный арестъ или денежное взысканіе въ тридцать рублей, не состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и имѣющіе не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду“ *). Эти ограниченія настолько незначительны, что лицъ, удовлетворяющихъ указаннымъ въ законѣ для избранія въ народные судьи требованіямъ, весьма много: каждый не опороченный по суду туземецъ можетъ добиваться чести быть избраннымъ. Съ одной стороны, конечно, полная свобода въ выборѣ народныхъ судей желательна, потому что, выбирая изъ большого числа претендентовъ на должность, можно сдѣлать болѣе удачный выборъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы число кандидатовъ было ограничено, но съ другой стороны, отсутствіе какого-бы то ни было образовательнаго ценза не можетъ не отразиться неблагоприятно на общемъ составѣ представителей правосудія.

Со времени введенія въ дѣйствіе „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края“ дважды принимались мѣры, направленные къ улучшенію состава должностныхъ лицъ туземной администраціи, но въ обоихъ случаяхъ вниманіе высшей въ краѣ власти было обращено лишь на развитіе въ средѣ должностныхъ лицъ стремленія къ изученію русскаго языка.

Въ концѣ 1891 года бывший Туркестанскій генераль-губернаторъ, баронъ Вревскій, въ циркулярѣ своемъ на имя военныхъ губернаторовъ областей края, между прочимъ, писалъ: „Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило-бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе средне-азиатской окраины съ русскою народностью, и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводитъ къ желательной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по

*) Ст. 223 Положенія объ управленіи Туркестанскаго края (Св. Зак. т II изд. 1892 г.).

внѣшнему побужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства“.

„Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской и только въ русской школѣ туземцы видѣли носительницу и насадительницу знаній, необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости къ настоящему государственному и общественному строю ихъ быта тѣхъ ученій, которыя выносятся изъ мадраса и мактаба, Быть этотъ самъ собою, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнія, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороною книжнаго ученія, его приложимостью къ практическимъ цѣлямъ“.

„Мѣстные мусульмане, знающіе русскій языкъ, могутъ и должны пользоваться имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при отправленіи обязанностей казиевъ, биевъ, волостныхъ управителей, аксакаловъ и состоящихъ при сихъ лицахъ мирзъ, а также сельскихъ старшинъ, всѣхъ полицейскихъ служителей въ русскихъ частяхъ каждаго города и, по крайней мѣрѣ, таршихъ въ частяхъ туземныхъ, не только при этихъ обязанностяхъ, но и при другихъ разнообразныхъ службахъ и занятіяхъ въ областяхъ, правленіяхъ, судахъ, казначействахъ, банкахъ, почтовыхъ конторахъ, при работахъ по садоводству и особенно по ирригаціи. Для подготовки къ послѣднимъ занятіямъ ученикамъ русско-туземныхъ школъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдуетъ сообщать главнѣшія свѣдѣнія и умѣнія, необходимыя для выполненія культуныхъ работъ и для правильнаго наблюденія за ними“.

Въ виду этихъ соображеній баронъ Вревскій просилъ военныхъ губернаторовъ „неотложно принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы отнынѣ туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на указанные и другія должности и службы предпочтительно предъ незнающими его и чтобы сущность настоящаго распоряженія возможно чаще была оповѣщаема и уясняема населенію края“.

Приведеннымъ распоряженіемъ русско-туземнымъ школамъ придавалось значеніе разсадника будущихъ должностныхъ лицъ туземной администраціи, въ томъ числѣ и народныхъ судей, но, въ дѣйствительности, считать эти заведенія достаточ-

нымъ для подготовки будущихъ служащихъ совершенно невозможно. Русско-туземныя школы посѣщаются дѣтьми туземцевъ неохотно и даже самые усердные ученики русско-туземныхъ школъ, не имѣя дома никакой практики въ разговорной рѣчи, быстро забываютъ и то немногое, что они выносятъ изъ школы по части знанія русскаго языка. А между тѣмъ, большинство туземныхъ мальчиковъ вступаютъ въ русско-туземную школу въ возрастѣ 8—10 лѣтъ и, окончивъ полный курсъ школы, покидаютъ заведеніе 14—16 лѣтъ. Знанія большинства юношей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ русско-туземной школы, крайне слабы; сартъ-торговецъ считаетъ достаточнымъ, если сынъ его, по окончаніи школы, оказывается въ состояніи написать по-русски адресъ на письмѣ или несложную торговую телеграмму, но дальше этого развитіе мальчика въ желательномъ для насъ направленіи не идетъ, а отъ этого еще очень далеко до той суммы знаній, которую мож было бы считать достаточною для будущаго общественнаго дѣятеля на томъ или другомъ поприщѣ. Къ тому же знанія очень легко испаряются изъ памяти юноши, возвращающагося по окончаніи школы въ свою семью и приступающаго къ обычнымъ занятіямъ среди своихъ соплеменниковъ, гдѣ ему цѣлые годы не придется услышать ни одного русскаго слова. Наболѣе просвѣщенные туземцы отлично понимаютъ, что дѣти ихъ безъ практики позабудутъ русскую грамоту и всѣми силами стараются пристроить своихъ сыновей куда-нибудь въ такое правительственное, или общественное учрежденіе, гдѣ мальчикъ могъ бы заниматься письмомъ по-русски. Къ сожалѣнію, свободныхъ мѣстъ въ канцеляріяхъ такъ мало, а каллиграфическія познанія бывшихъ питомцевъ русско-туземныхъ школъ такъ ничтожны, что весьма немногіе изъ нихъ устраиваются на мѣста.

Приведенное выше распоряженіе главнаго начальника края дѣйствуетъ болѣе 20-ти лѣтъ, а между тѣмъ, до сихъ поръ въ составѣ должностныхъ лицъ туземной администраціи сравнительно немного знающихъ русскій языкъ; между казіями нѣтъ ни одного кончившаго русско-туземную школу, а среди народныхъ судей можно указать, кажется, только одного народнаго судью гор. Черняева, губернскаго секретаря Саттархана Абдулгафарова, который, дѣйствительно, хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ, но въ русско-туземной школѣ не учился.

Несмотря на ясно выраженное въ помянутомъ циркулярѣ

распоряженіе о предпочтительномъ назначеніи на должности лицъ, знающихъ по-русски, уѣзднымъ начальникамъ на практикѣ почти не приходится пользоваться правомъ выбора должностныхъ лицъ и отдавать предпочтеніе знающимъ русскій языкъ. Законъ вполнѣ предоставляет населенію право избранія должностныхъ лицъ и, если нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ назначеніе старшины или народного судьи безъ выборовъ, по личному усмотрѣнію начальства, то населеніе должно избрать двухъ кандидатовъ на должность народного судьи, а губернатору предоставлено право утвердить одного изъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, избраніе начальства ограничено тѣми двумя лицами, которыя выбраны населеніемъ. Само населеніе, въ большинствѣ не понимающее ни слова по-русски, естественно недоувѣрчиво относится къ своимъ должностнымъ лицамъ, если они бойко говорятъ по-русски. Это недоувѣріе объясняется тѣмъ, что присутствующіе при разговорѣ такого должностного лица съ начальникомъ не понимаютъ ихъ разговора, а потому и предполагаютъ всегда, что должностное лицо, изъ угожденія начальнику, говоритъ неправду во вредъ своимъ единовѣрцамъ. Такое недоувѣріе свойственно всѣмъ туземцамъ потому, что между ними, дѣйствительно, не мало лицъ, способныхъ воспользоваться во вредъ другимъ своимъ положеніемъ посредниковъ между населеніемъ и русскимъ начальствомъ.

Въ большинствѣ случаевъ туземецъ входитъ въ близкія сношенія съ русскими и добивается входа въ домъ начальника только изъ расчета, когда думаетъ извлечь какую-нибудь выгоду для себя и, нечего грѣха таить, широко пользуется своимъ положеніемъ. Русскіе люди по природѣ довѣрчивы, не многимъ приходится познакомиться хотя бы съ основными положеніями мусульманской религіи, а тѣмъ болѣе съ безчисленными толкованіями на тексты Корана, которыми руководятся мусульмане въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ. Благодаря этому, большинство русскихъ людей въ приходящихъ къ нимъ сартахъ видятъ лишь добрыхъ знакомыхъ, совершенно безкорыстно преданныхъ своимъ русскимъ пріятелямъ. Дѣйствительно, сартъ, ищущій почему-либо сближенія съ русскимъ, отъ котораго надѣется рано или поздно получить какую-либо выгоду, прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы увѣрить своего новаго знакомаго въ искренней и совершенно безкорыстной привязанности. Знакомство завязывается случайно, или ранѣе знакомый въ домѣ

сартъ приводитъ другого, рекомендуя его своимъ русскимъ друзьямъ своимъ братомъ или родственникомъ. Новый знакомый время отъ времени заходитъ навѣстить семейство русскаго знакомаго, самъ вызывается исполнить небольшія порученія по покупкѣ въ туземномъ городѣ необходимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ или матерій, которыя въ сартовскихъ лавкахъ дешевле и т. п. Долголѣтнее знакомство устанавливаетъ въ отношеніяхъ извѣстную короткость и ловкій туземецъ становится своимъ, котораго въ домѣ перестаютъ стѣсняться. Само собою разумѣется, что сближенію съ русскимъ въ значительной степени помогаетъ хотя бы поверхностное знаніе русскаго языка. Наконецъ, установились добрыя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи, и сартъ почувствовалъ подъ собой почву. Тогда новый знакомецъ начинаетъ осторожно и умѣло извлекать изъ своего знакомства выгоды. Прежде всего подробными разспросами изучается положеніе русскаго прїятеля въ обществѣ, его отношенія къ тому или другому лицу, нужному туземцамъ, а тамъ ужъ не далеко и до почтительныхъ просьбъ замолвить словечко кому-либо изъ сравнительно высокопоставленныхъ лицъ по дѣлу, имѣющему отношеніе къ освоившемуся въ домѣ туземцу. Просьбы эти такъ рѣдки, такъ почтительны, что довѣрчивому ходатаю и въ голову на придеть, что онъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ туземца, а этотъ послѣдній эксплуатируетъ свою прїязнь не только для себя, но и для своихъ близкихъ-туземцевъ. Иногда не о чемъ попросить русскаго знакомаго, да и онъ самъ не могъ-бы исполнить просьбы о какомъ-либо ходатайствѣ; тогда знакомство съ русскими можетъ быть полезно для того, чтобы узнавать новости, интересующія почему-либо туземцевъ. Съ совершенно невиннымъ выраженіемъ лица, такъ хитро, какъ можетъ сдѣлать это только восточный политикъ, сартъ начинаетъ въ разговорѣ бродить кругомъ да около того предмета, который его интересуетъ, и не бываетъ случая, чтобы любопытство не было удовлетворено: недовѣрія въ насъ нѣтъ, а болтливости много, поэтому, если не самъ хозяинъ дома, то его семья непременно расскажутъ туземцу то, что ему надо знать, зачѣмъ онъ собственно и пришелъ. Добытая такимъ образомъ, часто животрепещущая и важная для туземцевъ новость тотчасъ же послѣ визита знакомаго туземца дѣлается достояніемъ чуткаго до новостей стараго Ташкента. Этимъ объясняется, что сарты знаютъ рѣшительно все и что русскому

человѣку, живущему въ старомъ Ташкентѣ, нерѣдко приходится слышать отъ сартовъ такія извѣстія, о которыхъ не освѣдомлены еще жители русскаго города.

Между тяготящими къ русскимъ людямъ туземцами есть счастливыя, которымъ удается стать въ близкія отношенія къ начальствующимъ лицамъ. Чаще всего это случается, когда старый знакомый сарта достигаетъ, наконецъ, степеней извѣстныхъ. Знакомство съ большимъ человѣкомъ представляетъ уже значительныя выгоды для умѣлаго туземца и можетъ не только поднять значеніе сарта въ обществѣ его соплеменниковъ, но и доставить ему подчасъ матеріальную прибыль. Визиты сарта къ высокопоставленному знакомому не часты — нельзя надоѣдать своими посѣщеніями, и дѣлаются обыкновенно въ такое время дня, когда высокопоставленный хозяинъ одинъ и не занятъ. Посѣщенія туземца никогда не стѣсняють; иногда онъ просто придетъ, посидитъ, спроситъ о здоровьи и уйдетъ, даже отказавшись отъ предложеннаго стакана чая. Но для туземца и такое кратковременное свиданіе не лишено значенія: онъ побывалъ у своего стараго знакомаго, посѣтилъ высокопоставленное лицо, и, если никто не видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ дома, то онъ самъ всѣмъ расскажетъ о посѣщеніи. Восточная фантазія мѣшаетъ сарту рассказать правду и онъ сильно преувеличиваетъ радушіе, съ какимъ былъ принятъ въ домѣ начальника: самая обыкновенная вѣжливость при встрѣчѣ описывается, какъ искренняя радость приходу туземца, предложенный стаканъ чая принимаетъ размѣры роскошнаго угощенія, а прощаніе уснащается добавленными отъ рассказчика просьбами заходить, какъ можно чаще, и обращаться со всѣми своими нуждами безъ всякой церемоніи въ какое угодно время. Хвастливые рассказы туземца производятъ сильное впечатлѣніе на слушателей, вѣкъ свой живущихъ въ старомъ Ташкентѣ, всѣ завидуютъ привилегированному положенію рассказывающаго, его близости къ высокопоставленному лицу. Одинъ-два такихъ преувеличенныхъ разсказа и за туземцемъ упрочивается значеніе вліятельнаго человѣка, къ нему уже обращаются съ подобострастными просьбами о содѣйствіи черезъ знакомаго начальника. Приходится давать обѣщанія исполнить просьбу, но не всегда просьба исполнима и нельзя лѣзть къ начальству по пустякамъ; поэтому нерѣдко приходится хитрить и въ другую сторону. Туземный политикъ обѣщаль сѣздить и попросить за кого нибудь изъ туземцевъ, зная навѣрно, что просьба не

будетъ исполнена Тогда ходатай дѣлаетъ начальнику одинъ изъ своихъ, по виду ничѣмъ не вызванныхъ, визитовъ и дѣлаетъ его такъ, чтобы это видѣлъ и тотъ, за кого онъ взялся хлопотать. Выйдя отъ начальника, посѣтитель беззастѣнчиво лжетъ и увѣряетъ своего кліента, что онъ съ большимъ трудомъ уговорилъ своего высокопоставленнаго покровителя исполнить просьбу. Разоблачить ложь некому, такъ какъ никому въ голову не придетъ предположить такую тонкую политику въ наивномъ на видъ знакомомъ сартѣ.

Тщеславному любителю знакомствъ въ средѣ русскихъ дошло, наконецъ, рассказывать небылицы про восторженные приемы и про короткость къ высокопоставленному лицу. Надо воочию показать остальнымъ сартамъ, какъ хорошо относится начальникъ къ своему протеже. Тогда затѣвается въ подходящее время вечеринка или приемъ въ саду за городомъ. За нѣсколько дней до назначеннаго приема сартъ объѣзжаетъ самыхъ высокопоставленныхъ своихъ знакомыхъ, упрашиваетъ ихъ посѣтить его домъ и привезти къ нему своихъ знакомыхъ по своему выбору, не стѣсняясь тѣмъ, что они, можетъ быть, не знакомы съ хозяиномъ. Приглашенія сдѣланы, сартъ не щадитъ средствъ на приемъ гостей, но и не упускаетъ случая побесѣдовать со своими на тему о высокомъ положеніи своихъ гостей и о своей къ нимъ близости. Въ этихъ описаніяхъ фантазія туземца ничѣмъ не сдерживается и желаніе похвастаться короткостью съ сильными міра переходитъ иногда всякія границы. Въ старомъ Ташкентѣ мнѣ пришлось слышать по этому поводу такой разсказъ изъ прошлаго: нѣкто С. А. въ первые годы послѣ завоеванія Туркестана ближе другихъ сошелся съ русскими и прилагалъ всѣ старанія, чтобы воспользоваться своими знакомствами для увеличенія своего вліянія среди туземцевъ. Онъ усиленно старался расширять кругъ своихъ знакомствъ преимущественно среди лицъ, занимавшихъ въ то время видное служебное положеніе, и распространялъ между туземцами преувеличенные разсказы о близости и короткости своихъ отношеній съ высокопоставленными знакомыми. Благодаря умѣнью и хитрости, С. А. достигъ блестящихъ результатовъ: весь городъ бывалъ у него и самъ онъ, какъ почетный туземецъ, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ столицы Туркестана. Одного не доставало кичливому политику—у него еще не былъ генералъ Э. Направивъ всѣ усилія къ завѣтной цѣли. С. А., наконецъ, успѣлъ заручиться согласіемъ генерала посѣ-

тить его въ извѣстное, заранѣе назначенное время. Что же дѣлаетъ польщенный обѣщаніемъ высокаго гостя сартъ у себя дома? Незадолго до назначеннаго посѣщенія генерала, онъ собираетъ своихъ друзей и знакомыхъ-туземцевъ по какому-то вымышленному дѣлу и сидитъ съ ними въ гостиной, непринужденно бесѣдуя. Въ разговорѣ хозяинъ шутитъ: „а что, не послать-ли за генераломъ, онъ, вѣроятно, съ удовольствіемъ пріѣдетъ посидѣть у меня часокъ“. Гости поражены развязностью и самоувѣренностью хозяина, они громко выражаютъ свое сомнѣніе въ томъ, чтобы такъ легко и просто было даже для С. А. пригласить къ себѣ большаго генерала въ любое время. Чтобы прекратить споръ, хозяинъ зоветъ своего слугу и при всѣхъ приказываетъ ему ѣхать къ генералу и просить отъ имени хозяина на чашку чая. Даже обычной въ такихъ случаяхъ записки не трудится написать обезумѣвшій отъ тщеславія сартъ: въ душѣ онъ вполне увѣренъ, что генераль сдержитъ данное ранѣе обѣщаніе. Черезъ полчаса во дворѣ появляется скачущій посланный, а за нимъ плавно вкатываетъ и коляска Генерала. Удивленію присутствующихъ нѣтъ предѣловъ, а хитрый амфи-тріонъ сгибается въ почтительный поклонъ и подобострастно приглашаетъ высокаго гостя въ другую гостиную, гдѣ все уже приготовлено для его пріема.

Подобныя выходки и преувеличенные рассказы сблизившихся съ русскими туземцевъ внушаютъ суевѣрный страхъ всѣмъ остальнымъ обитателямъ стараго города и подобныя С. А. туземцы занимаютъ весьма выгодное для нихъ положеніе посредниковъ между туземнымъ населеніемъ и русскимъ начальствомъ. Нечего и говорить, что вся ихъ дѣятельность въ этой роли полна хитрости, притворства и поддакиванія. Передъ русскими эти посредники стараются выставить своихъ земляковъ неразвитыми и фанатизированными, себѣ же приписываютъ руссофильское вліяніе на массу и умѣнье провести въ народъ всякую новую мѣру русскаго правительства. Передъ туземцами посредники выставляютъ себя ярыми ревнителями старины и неприкосновенности завѣтныхъ обычаевъ; они также, какъ и остальные сограждане, ненавидятъ невѣрныхъ, также не сочувствуютъ всему, что исходитъ отъ завоевателей, и прилагаютъ всѣ силы къ тому, чтобы ослабить тяжесть всѣхъ новыхъ мѣропріятій для своихъ земляковъ; для этого они и знакомятся съ русскими, для этого и посѣщаютъ начальствующихъ лицъ. Одинъ и тотъ-же изворотливый актеръ играетъ одно-

временно двѣ роли и обѣ ему удаются только потому, что русская и туземная части города отдѣлены другъ отъ друга непроницаемой завѣсой. Кого больше обманываетъ посредникъ— сказать трудно, это зависитъ отъ обстоятельствъ и его собственной карьеры. Народъ боится такихъ близко стоящихъ къ русскимъ туземцевъ, но не уважаетъ ихъ. У простыхъ людей есть необъяснимое чутье, подсказывающее вѣрную оцѣнку общественнымъ дѣятелямъ, и это-то чутье заставляетъ избирателей хлопотать о томъ, чтобы не только ни одинъ изъ близко стоящихъ или отличившихся передъ русскимъ начальствомъ не былъ избранъ на должность, но чтобы въ число избранныхъ, по возможности, не попали и туземцы, хорошо знающіе русскій языкъ. Поэтому уѣздному начальнику въ большинствѣ случаевъ не изъ кого выбирать и онъ вынужденъ представлять къ утвержденію кандидата, не знающаго ни слова по-русски.

Предоставленное туземцамъ право выборовъ должностныхъ лицъ парализуетъ всякія поползновенія русскаго начальства провести на извѣстную должность желательнаго кандидата. Мнѣ живо памятны выборы 1896 года въ Ташкентѣ. На должность Сибзарскаго народнаго судьи, вмѣсто М. Х., устраниннаго вмѣстѣ съ прочими должностными лицами за беспорядки 1892 года, назначенъ былъ нѣкто Р. Х., который въ теченіе своей трехлѣтней службы успѣлъ зарекомендовать себя человекомъ съ прогрессивными взглядами и слабо развитымъ фанатизмомъ. Прежній народный судья, наоборотъ, въ мнѣніи начальства стоялъ не высоко, какъ убѣжденный консерваторъ и фанатикъ. Передъ выборами было рѣшено не допустить назначенія на должность народнаго судьи М. Х., преступно-равнодушно отнесшагося къ беспорядкамъ 1892 года, и всѣми силами постараться объ утвержденіи Р. Х., какъ желательнаго съ русской точки зрѣнія кандидата. Русскій избранникъ понималъ, что начальство постоитъ за него, имѣя въ виду его важныя заслуги, и не позаботился привлечь на свою сторону избирателей пятидесятниковъ; твердо увѣренный въ поддержкѣ начальства, Р. Х. не нашелъ нужнымъ заискивать у пришедшихъ къ нему по знакомству пятидесятниковъ: „дѣлайте, что хотите, а я все-таки буду народнымъ судьей“,—сказалъ онъ своимъ доброжелателямъ. Тѣмъ временемъ соперникъ правительственнаго кандидата, болѣе симпатичный населенію и отлично знавшій, что онъ не можетъ рассчитывать на под-

держку со стороны начальства, не дремалъ. По освященному практикой обычаю, М. Х. съѣздилъ къ кому слѣдуетъ изъ вліятельныхъ туземцевъ, собралъ къ себѣ вечеромъ на угощеніе нужныхъ избирателей и успѣлъ увѣрить ихъ въ томъ, что во время безпорядковъ 1892 года онъ пострадалъ за свои твердыя убѣжденія и непоколебимую вѣрность избравшему его народу; онъ сумѣлъ внушить избирателямъ, что и впредь народъ найдетъ въ немъ опору противъ русскаго вліянія, а, въ случаѣ избранія его соперника, они рискуютъ нажить себѣ много неприятностей, такъ какъ бывший адвокатъ съ темнымъ прошлымъ, не пользующійся уваженіемъ среди народа, очевидно, будетъ все больше и больше заискивать передъ русскими властями, поступаясь завѣтными традиціями. Этимъ путемъ М. Х. заручился большинствомъ голосовъ и судьба выборовъ была рѣшена. Мало того, въ день выборовъ пришлось убѣдиться, что туземцы не хуже насъ знаютъ статьи „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края“, относящіяся до выборовъ должностныхъ лицъ: предположенный начальствомъ кандидатъ Р. Х., по числу полученныхъ избирательныхъ голосовъ, оказался третьимъ и, такимъ образомъ, не вошелъ въ число тѣхъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ начальство по закону избираетъ одного въ должность народнаго судьи. Предусмотрительный М. Х. позаботился о томъ, чтобы избиратели и въ кандидаты къ нему предложили угоднаго ему человѣка. Сартъ побѣдилъ и, въ день выборовъ, главный начальникъ края поздравилъ М. Х. за обѣдомъ съ избраніемъ его въ народные судьи. При такихъ условіяхъ желаніе уѣзднаго начальника подбирать знающихъ русскій языкъ должностныхъ лицъ не имѣетъ никакого значенія, и онъ не въ состояніи выполнить распоряженіе, изложенное въ вышеприведенномъ циркулярѣ.

Если бы въ населеніе и проникло сознаніе необходимости для должностныхъ лицъ знанія русской грамоты, то при выборахъ встрѣтились-бы немаловажныя затрудненія, потому что, кромѣ недостигшихъ еще 25-лѣтняго возраста бывшихъ учениковъ русско-туземныхъ школъ, къ тому же забывшихъ по выходѣ изъ школы русскую грамоту, среди туземцевъ почти нѣтъ людей, знающихъ по-русски, если не считать уволенныхъ отъ службы городскихъ, джигитовъ уѣздныхъ управленій и татаръ-переводчиковъ, хотя и знающихъ немного по-русски, но зато вовсе не обладающихъ нравственными достоинствами. Есть еще практически изучившіе разговорную русскую рѣчь и грамоту

сыновья Ташкентскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ губерніями внутренней Россіи, но они всецѣло поглощены торговлей, никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ не принимаютъ и кандидатами на выборныя должности не выступаютъ.

Второе распоряженіе, направленное къ распространенію между туземными должностными лицами знанія русскаго языка, послѣдовало въ томъ же 1891 году: генералъ-лейтенантъ Гродековъ отдалъ приказъ, чтобы должностныя лица туземной администраціи постепенно перешли къ веденію служебной переписки на русскомъ языкѣ; до 1 іюля 1892 года разрѣшалось представлять служебныя бумаги, написанныя на туземномъ языкѣ, съ точнымъ переводомъ на русскій языкъ, а съ 1 іюля 1892 года предлагалось въ служебной перепискѣ вовсе не допускать туземныхъ языковъ.

Эта мѣра произвела на туземцевъ большое впечатлѣніе. Особенно народные судьи призадумались надъ тѣмъ, какъ имъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Ослушаться приказа было нельзя, а найти подходящее лицо для изложенія служебныхъ бумагъ на русскомъ языкѣ было очень трудно. Надо было подыскать знающаго русскій языкъ секретаря, которому народный судья могъ вполнѣ довѣрить свои подчасъ серьезныя и не терпящія огласки дѣла, а такому человѣку необходимо было назначить соотвѣтствующее содержаніе. Народные судьи рѣшили какъ можно скорѣй подготовить на должности секретарей своихъ взрослыхъ сыновей или родственниковъ, которыхъ они до изданія распоряженія и не думали обучать по-русски. Пошли разспросы, гдѣ найти учителя, способнаго въ возможно короткій срокъ научить молодого туземца русской грамотѣ, а вопросъ о дороговизнѣ вознагражденія учителю даже не подымался. Раньше сарты не хотѣли отдавать своихъ сыновей въ бесплатную русско-туземную школу, а тутъ готовы были истратить деньги на приглашеніе отдѣльнаго учителя, только бы скорѣй приобрѣсти для письменныхъ занятій вѣрнаго человѣка, умѣющаго хорошо писать по-русски. Этимъ путемъ распоряженіе генерала Гродекова, очевидно, было-бы выполнено туземными должностными лицами и результаты получились-бы блестящія, но 24 іюня 1892 г. въ Ташкентѣ случились безпорядки. ближайшее начальство перемѣнилось и вопросъ о введеніи служебной переписки на русскомъ языкѣ остался открытымъ. а распоряженіе военнаго губернатора понемногу забылось. Та-

кимъ образомъ и эта, вторая, мѣра не привела къ желаемому результату *).

Хотя русскій законъ предоставляетъ народнымъ судьямъ право разрѣшать „подсудныя имъ дѣла на основаніи существующихъ въ каждой части населенія обычаевъ“, но на самомъ дѣлѣ народные судьи осѣдлаго населенія Туркестана, въ томъ числѣ и народные судьи гор. Ташкента, рѣшаютъ дѣла не по обычаю, а по „шариату“. Подъ именемъ „шариата“ извѣстна цѣлая наука мусульманскаго права, основанная на религіозно-нравственныхъ положеніяхъ Корана и широко разработанная многочисленными учеными юристами, посвятившими всѣ свои силы толкованію на разные лады юридическихъ положеній со всѣми мелочными частными случаями казуистики. Творенія отцовъ мусульманскаго права и всѣхъ ихъ послѣдователей на поприщѣ истолкованія изложены преимущественно на арабскомъ языкѣ и только нѣкоторыя юридическія сочиненія переведены на персидскій. Если собрать лишь наиболѣе чтимыя сочиненія по юридическимъ вопросамъ, то составитъ громадная библіотека, но въ практикѣ все-таки можетъ встрѣтиться случай, къ которому нельзя подобрать подходящей статьи въ имѣющихся на-лицо книгахъ.

Осмысленное чтеніе юридическихъ книгъ требуетъ отъ судьи обширныхъ познаній въ арабскомъ языкѣ, а между тѣмъ знатоки арабскаго языка между нашими учеными туземцами попадаются все рѣже и рѣже. Прежде мусульманская наука, основанная главнымъ образомъ на изученіи арабскаго языка, находилась подъ покровительствомъ мусульманскаго правительства, которое отпускало значительныя денежныя средства въ

*) 6 ноября 1898 г. за № 19 объявленъ слѣдующій циркуляръ Туркестанскаго генераль-губернатора военнымъ губернаторамъ Сырь-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей: „Признавая необходимымъ приступить къ обсужденію вопроса объ обязательномъ введеніи государственнаго языка въ письменныхъ сношеніяхъ лицъ муниципальной администраціи съ русскими властями въ краѣ, я полагаю бы полезнымъ и своевременнымъ, впредь до осуществленія этой реформы въ полномъ ея объемѣ, требующаго довольно продолжительнаго срока, принять на первое время мѣры къ тому, чтобы всѣ мѣстныя туземныя власти или, по крайней мѣрѣ, волостные управители имѣли русскихъ писарей для своихъ официальныхъ сношеній съ уѣздными начальниками и приставами. Затрудняясь, однако, опредѣлить срокъ для пріисканія необходимаго числа русскихъ писарей, а равно указать контингентъ лицъ, могущихъ занять эти должности, прошу доставить мнѣ заключеніе, какъ по этому дѣлу, такъ и по общему вопросу объ обязательномъ введеніи русскаго языка въ официальныхъ сношеніяхъ мѣстной туземной администраціи съ русскими властями“.

пользу „талабиильмъ“ (буквально ищущихъ знанія), т. е. учащихся и учащихся. Подъ влияніемъ высшаго духовенства и ученыхъ, занимавшихъ видное положеніе при дворѣ, мусульманскіе государи считали всегда лучшимъ средствомъ для прославленія своего имени—образованіе „вакуфовъ“, или заповѣдныхъ имѣній, доходами съ которыхъ могли бы пользоваться люди, посвятившіе свои силы мусульманской наукѣ.

Послѣ присоединенія Туркестанскаго края къ Россіи, значительная часть вакуфныхъ имуществъ перешла въ руки частныхъ лицъ, которыя уже не такъ близко къ сердцу принимали благополучіе ученыхъ и процвѣтаніе учебныхъ заведеній; стипендіи учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній (мадраса) въ Ташкентѣ и другихъ городахъ Туркестана уменьшились до ничтожныхъ размѣровъ 3—4 р. въ годъ на человѣка. Жить на такія средства, при возрастающей дороговизнѣ продуктовъ первой необходимости, стало немислимо даже и при даровомъ помѣщеніи ученика въ стѣнахъ заведенія, а потому число желающихъ учиться мусульманской наукѣ систематически уменьшается съ каждымъ годомъ.

Только въ Бухарѣ мусульманская наука, преимущественно законовѣдѣніе, еще до сихъ поръ хорошо поставлена, благодаря неприкосновенности богатыхъ „вакуфовъ“, и потому хорошо подготовленные ученые выходятъ только изъ мадраса гор. Бухары.

Создавшіяся силою обстоятельствъ затрудненія въ распространеніи высшаго мусульманскаго образованія, уже отразились неблагоприятно на составѣ народныхъ судей осѣдлаго населенія Туркестана, въ томъ числѣ, и народныхъ судей г. Ташкента. Прежде, на видную должность казія было такъ много претендентовъ, что человѣку, получившему посредственное образованіе въ одномъ изъ незначительныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и проходившему курсъ подъ руководствомъ мало извѣстнаго преподавателя, нечего было и думать попасть въ казію; теперь же изъ 4 народныхъ судей Ташкента, только одинъ окончилъ курсъ мадраса въ Бухарѣ *), остальные же трое учились при своихъ родителяхъ, не покидая Ташкента. Не велика была бы для насъ, русскихъ, бѣда въ этомъ, если бы народные судьи недостатокъ своего мусульманскаго образованія пополняли бы, хотя отчасти, знакомствомъ съ европейской наукой, но невы-

*) Съ 1899 г. и онъ остался не у дѣль.

сокое умственное развитіе мало учившихся людей препятствуют пробужденію въ нихъ интереса къ какому бы то ни было знанію.

Народные судьи, не взирая на то, что обязанности ихъ по „Положенію объ управленіи Туркестанскаго края“ строго ограничиваются функціями чисто судебнаго характера, никакъ не могутъ помириться съ мыслью, что при русскомъ режимѣ они стали уже не казіями, а только народными судьями: человѣку, свыкшемуся съ дѣтства съ представленіемъ о положеніи казія, конечно, трудно измѣнить свой взглядъ на внѣшнюю обстановку и значеніе представителя правосудія. При мусульманскомъ правительствѣ казіи былъ облечены не только судебною властью но отчасти и властью духовною. Правда, казіи не имѣлъ значенія священника въ тѣсномъ смыслѣ слова, но за отсутствіемъ въ Исламѣ рукоположеннаго духовенства, ему приходилось исправлять и нѣкоторыя требы.

Бракъ у туземцевъ очень рѣдко совершается въ личномъ присутствіи невѣсты, а обычаемъ установлено, что невѣста къ заключенію брака присылаетъ своего довѣреннаго, который и выражаетъ согласіе ея на бракъ. Такъ какъ совершеніе довѣренности вообще свидѣтельствуется народными судьями, то съ первыхъ же дней завоеванія Туркестана народные судьи усиленно хлопотали о присвоеніи имъ права совершать браки между туземцами. Къ этому ихъ побуждало не только желаніе поднять въ глазахъ туземцевъ свое значеніе и приобрѣсти права духовной власти, но кромѣ того и матеріальный расчетъ, такъ какъ, по обычаю, народному судѣ за записку о бракѣ („никахъ-натта“) уплачивается „никахъ кана“: при бракѣ съ дѣвицей 2 руб., а при бракѣ со вдовой (джуанъ) 1 руб.

На первыхъ порахъ послѣ занятія края русскими было мало претендентовъ на право собирать плату за совершеніе мусульманскихъ браковъ; генераль Черняевъ сдѣлалъ изъ этого права арендную статью въ пользу бѣдныхъ мусульманъ и право взиманія брачнаго налога было взято на откупъ туземцемъ за 2,500 руб. въ годъ. Впослѣдствіи этотъ порядокъ измѣнился и казіи вновь получили право совершать браки и собирать деньги за выдачу брачныхъ записокъ. Казіи настолько ревниво охраняли свое право на совершеніе браковъ, что дѣло доходило до преслѣдованія всѣхъ имамовъ, которые осмѣливались, на точномъ основаніи шаріатныхъ постановленій о бракѣ, безъ вѣдома казія соединять для брачной жизни мусульманскія

пары. Такой случай былъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ въ 1891 году и военный губернаторъ генералъ Гродековъ вынужденъ былъ издать особый приказъ, которымъ разъяснялось, что народные судьи не въ правѣ отправлять духовныя требы, а должны исполнять только тѣ обязанности, какія возложены на нихъ соответствующими статьями „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края“. Это распоряженіе вызвало большое неудовольствіе со стороны народныхъ судей, но населеніе привѣтствовало новую мѣру, потому что плата за бракъ имаму ограничивается 40 к., а народному судѣ платилось раньше 2 руб. Остались, правда, нѣкоторые зажиточные горожане, которые приглашаютъ и теперь для совершенія брака народныхъ судей, но это уже роскошь и не обязательно. Не всѣ туземцы зовутъ теперь народныхъ судей въ качествѣ почетныхъ гостей на свои семейные праздники (обрѣзаніе сыновей и сговоры дочерей); похоронные обряды (джаназа) теперь также у простыхъ людей обходятся безъ присутствія народныхъ судей и сокращеніе числа такихъ приглашеній сберегаетъ бѣднымъ людямъ довольно много денегъ, такъ какъ на почетнаго гостя принято надѣвать новый халатъ въ 4—5 рублей въ благодарность за сдѣланную посѣщеніемъ честь.

Прежде народные судьи утверждали свои рѣшенія и свидѣтельствовали различные акты приложеніемъ большой именной печати, оттискъ которой дѣлался китайской тушью. Именные печати имѣли видъ старинныхъ казійскихъ печатей, рѣзались на серебрѣ со всевозможными украшеніями и размѣромъ бывали больше стариннаго серебрянаго рубля. Съ тѣхъ поръ, какъ казіи сдѣлались народными судьями по русскому закону, были введены форменныя должностныя печати съ русскими надписями. Областное правленіе распорядилось изготовленіемъ необходимаго числа должностныхъ печатей и прислало для раздачи всѣмъ служащимъ туземной администраціи. Народнымъ судьямъ очень не понравились грубыя желѣзныя печати, которыя должны были замѣнить ихъ щегольскія именные печати, вполне подходившія къ достоинству казія. Послышались возраженія, что печати даютъ плохіе неясные оттиски и областному правленію пришлось объявить къ руководству, что хорошіе оттиски новыя печати даютъ при копченіи ихъ на свѣчѣ. Затѣмъ туземные законники подняли вопросъ о томъ, что имъ нерѣдко приходится совершать документы, которые обращаются въ сопредѣльныхъ Туркестану ханствахъ, гдѣ только

именныя печати извѣстныхъ казіевъ служатъ ручательствомъ за подлинность и правильность документа, а русская печать ни для кого непонятна и можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Народные судьи ходатайствовали, чтобы имъ разрѣшено было прикладывать къ документамъ двѣ печати—казенную должностную и свою именную. Въ Ташкентѣ этотъ компромиссъ разрѣшенъ не былъ, но изъ Коканда кто-то изъ народныхъ судей получилъ документъ о двухъ печатяхъ и вновь былъ возбуждено ходатайство о разрѣшеніи прикладывать двѣ печати по примѣру Ферганской области. Для прекращенія всякихъ домогательствъ народныхъ судей о сохраненіи казійскихъ печатей мнѣ было приказано уничтожить именныя печати и надо было видѣть горе владѣльцевъ, когда я собственноручно рубилъ топорикомъ серебряныя пластинки печатей, богато разукрашенныхъ затѣйливыми арабесками. Только послѣ уничтоженія именныхъ печатей окончательно введены были должностныя печати, и народные судьи заказали себѣ по формѣ казенныхъ каучуковыя печати съ футлярами въ видѣ часовъ и красящими приспособленіями.

Должностные знаки, присвоенные народнымъ судьямъ и носящіе на себѣ изображеніе геральдическаго единорога въ гербѣ Туркестанскаго края, тоже не пользуются симпатіями народныхъ судей, доказывающихъ, что ношеніе на себѣ изображенія живого существа противно постановленіямъ мусульманской религіи. Это возраженіе приходитъ на умъ туземцу только потому, что прежніе казіи знаковъ не носили, они и безъ знаковъ хорошо были извѣстны народу. Когда одинъ изъ стѣсняющихся носить должностной знакъ изъ-за помѣщеннаго на немъ изображенія получаетъ первую медаль съ портретомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, или тѣмъ болѣе первый орденскій знакъ, для нехристіанъ установленный, съ изображеніемъ въ центрѣ креста двуглаваго орла, ему даже и въ голову не приходитъ, что ношеніе такого знака отличія противорѣчитъ мусульманскимъ его воззрѣніямъ. Напротивъ, полученіе первой награды развиваетъ въ награжденномъ ненасытную жадность къ полученію новыхъ и новыхъ знаковъ отличія, двигаетъ его на щедрыя жертванія и другія услуги русскому правительству, только бы добиться удовлетворенія своего тщеславія. Медали и ордена уже не прячутся подъ верхнее платье, какъ должностные знаки, а старательно выставляются на показъ самыми ревностными хранителями мусульманскихъ обрядностей, видящими идолопоклон-

ство въ одномъ только взглядѣ на изображеніе живого существа. Только во время молитвы въ мечети принято снимать съ груди знаки отличія, и потому петличные медали и ордена туземцы помѣщаютъ обыкновенно на отстегивающуюся колодку или длинную шпильку. Если медаль одна или двѣ, то подъ ними въ халатѣ дѣлается небольшой кармашекъ, въ который изображенія и помѣщаются на время молитвы, дѣлаясь невидимыми, а потому, по мнѣнію мусульманскихъ формалистовъ, и безвредными въ молитвенномъ отношеніи.

Вотъ какія перемѣны пережилъ институтъ казіевъ при переходѣ къ исполненію обязанностей народныхъ судей по русскому закону; большая часть этихъ перемѣнъ чисто формальнаго свойства.

По наружности бывший казіи все тотъ же: это въ большинствѣ случаевъ представительный, высокаго роста мужчина съ горделивой осанкой, съ плавными, полными достоинства манерами родовитаго туземца. Голова покрыта громадной бѣлой чалмой, аршинъ изъ 30-ти дорогой кисеи, верхняя одсжда чаще всего изъ серебристаго „бикасаба“—полшелковой матеріи туземнаго производства, обувь туземнаго покроя, но уже изъ американской лакированной кожи. Выѣзжая изъ дому, казіи предпочитаетъ экипажу большую, красивую, верховую лошадь: улицы стараго Ташкента плохо мощены для ѣзды въ экипажѣ, да и верхомъ ѣхать какъ-то важнѣе. Было время, когда никто изъ почетныхъ туземцевъ не рѣшался показаться въ экипажѣ, боясь уронить свое достоинство отступленіемъ отъ освященнаго обычаямъ способа передвиженія; теперь только казіи да ишаны предпочитаютъ верховую ѣзду. Медленно движется по улицамъ города казіи на великолѣпномъ сѣромъ аргмакѣ, а позади него ѣдетъ верхомъ въ почтительномъ отдаленіи свита и непремѣнно бѣжитъ пѣшіи конюхъ, чтобы при остановкѣ принять и подержать лошадь казія, вытереть пыль съ шитаго шелками наряднаго чепрака и посадить казія на коня, когда онъ пожелаетъ ѣхать далѣе. Незавидна участь такого пѣшаго проводника и въ кодексѣ восточныхъ приличій даже прямо указано, что чловѣкъ, ѣдущій верхомъ и взявшій съ собою пѣшаго слугу, долженъ заботиться, чтобы тотъ не утомился. Однако все это забывается, когда является желаніе удовлетворить свое тщеславіе, увеличить важность своего появленія передъ народомъ. Весь выѣздъ казія носить на себѣ отпечатокъ чисто восточной неторопливости и

важности; иначе не можетъ быть у людей, руководящихся правиломъ, что, „торопливость есть свойство діавола“.

Далеко видить находящійся на улицахъ народъ медленно приближающагося казія и всякій привѣтствуетъ его почтительнымъ поклономъ и обычнымъ „асъ-салямю-aleyкумъ“. На русскаго служащаго, даже начальника, народъ обращаетъ гораздо менѣ вниманія и нерѣдки случаи, когда приходится взыскивать съ туземца за явно презрительное отношеніе къ русскому. Объясняется это чисто религіозной ненавистью къ иновѣрцу. Словами „міръ вамъ“ („асъ-салямю-aleyкумъ“) мусульманину полагается привѣтствовать только мусульманина; для привѣтствія „имѣющихъ писаніе“, въ томъ числѣ и христіанъ, установлена другая форма: „асъ-салямю-aleyманъ-итъ-табааль-гуда“, что значитъ: „миръ идущему или направляющему на истинный путь“. Изъ этого различія можно вывести заключеніе, какую рѣзкую границу проводить Исламъ между своими послѣдователями и исповѣдниками другихъ религій. Удивительно ли послѣ этого, что народъ, съ такимъ почтеніемъ привѣтствующій казія, въ лицѣ котораго туземцы все еще продолжаютъ видѣть высшее духовное лицо, довольно неохотно, съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ, поднимается при проѣздѣ кого-либо изъ ближайшихъ своихъ русскихъ начальниковъ.

Это бы еще ничего, но часто можно замѣтить, что встрѣтившійся съ русскимъ на улицѣ туземецъ, особенно изъ просто-народья и стариковъ, подобострастно поклонится, а пропустивъ русскаго, вслѣдъ ему звонко плюнетъ, какъ будто встрѣча съ иновѣрцемъ вызываетъ у него сильное отдѣленіе мокроты. Этимъ уже серьезно можно возмутиться, но что же дѣлать, если подобныя привѣтствія можно встрѣтить на каждомъ шагу. Вѣдь существуетъ же у нашего русскаго простолюдина глупѣйшій предрасудокъ, что встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу и что ослабить дѣйствіе неблагоприятной примѣты можно только плевокъ. Предрасудокъ этотъ, восходящій, вѣроятно, къ первымъ временамъ христіанства на Руси, выведется только тогда, когда народная масса разовьется настолько, что перестанетъ бояться примѣтъ. Съ мусульманами также придется предоставить все дѣйствію времени, въ надеждѣ, что привычка къ русскимъ, развитіе народа и исчезновеніе мнимыхъ упованій на торжество Ислама въ странѣ, сдѣлаютъ свое дѣло и заставятъ мусульманъ поступать съ иновѣрцами по арабской пословицѣ, гласящей, что „всѣ люди — люди“. До тѣхъ же поръ приходится